

М. М. Смольянинов

БЕЛАРУСЬ в Первой мировой войне 1914– 1918 гг.

Михаил Смольянинов

**Беларусь в Первой
мировой войне 1914-1918 гг.**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2018

УДК 94(476)"1914/1918"
ББК 63.3(4Бел)524

Смолянинов М. М.

Беларусь в Первой мировой войне 1914-1918 гг. /
М. М. Смолянинов — «Издательский дом “Белорусская наука”»,
2018

ISBN 978-985-08-2345-8

Во втором издании монографии, наряду с освещенными в первом издании (2014 г.) вопросами, впервые в историографии комплексно изложены в шести новых главах итоги более глубокого исследования таких вопросов, как отступление российских войск на белорусские земли и сражения здесь в 1915 г., проведение ими наступательных (Нарочской и Барановичской) операций в 1916 г. и летнего наступления в районе Крево в 1917 г., а также повествуется об условиях заключения Брест-Литовского мирного договора, оккупационной политике германского военного руководства, о положении мирного населения и его сопротивлении оккупационному режиму на территории Беларуси.

УДК 94(476)"1914/1918"
ББК 63.3(4Бел)524

ISBN 978-985-08-2345-8

© Смолянинов М. М., 2018
© Издательский дом “Белорусская
наука”, 2018

Содержание

Введение	6
Глава 1	12
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Смольянинов

Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

2-е издание, дополненное

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А. М. Литвин

доктор исторических наук, профессор Л. В. Шарков

Издание подготовлено в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2011–2015 годы «История, культура, общество, государство» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя) подпрограммы № 1 «История, духовная и материальная культура белорусского народа» («История и культура») (научные руководители – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя; кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович), а также Государственной программы научных исследований на 2016–2020 годы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя) подпрограммы № 1 «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович).

© Смольянинов М. М., 2014

© Смольянинов М. М., 2018, с изменениями

© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2018

Введение

Первая мировая война 1914–1918 гг. является одним из крупнейших событий в истории человечества. Развязанная правящими кругами двух группировок империалистических держав – Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антанты (Англия, Франция, Россия), она втянула в свою орбиту 38 государств с полуторамиллиардным населением, 74 млн человек были поставлены под ружье и приняли участие в сражениях. В ходе войны, которая впервые в истории войн носила глобальный характер, наряду с применением новейших на тот период видов вооружения и боевой техники: тяжелой артиллерии, минометов, пулеметов, огнеметов, аэропланов, танков, подводных лодок, использовались ранее не известные химические отравляющие вещества. Это вызвало огромные разрушения и массовые человеческие жертвы, горе и страдания многих миллионов людей.

Белорусские земли, входившие в состав Российской империи, оказались в зоне геостратегических интересов России и Германии и вскоре стали одним из эпицентров глобального военного конфликта. С объявлением войны на белорусских землях было введено военное положение. Здесь размещалась Ставка Верховного главнокомандующего русской армией (с начала войны – в Барановичах, с августа 1915 г. – в Могилеве), был усилен военно-полицейский режим, в спешном порядке проводились мобилизация и пополнение частей действующей армии, формирование новых полков и дружин государственного ополчения, кратковременное их обучение и выдвижение к местам сосредоточения и развертывания для участия в сражениях 1914 г. в Восточной Пруссии, Галицийской, Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях. Довоенным планом подготовки к войне и мобилизационным расписанием Генерального штаба русской армии с целью обеспечения скорейшего сосредоточения и развертывания войск для начала военных действий было предусмотрено комплектование в первую очередь призванными из местного населения по штатам военного времени войск, дислоцировавшихся в военных округах, приграничных к враждебным государствам – Германии и Австро-Венгрии.

В результате неудачного для Российской империи развития военных действий и последующего отступления русских войск в глубь территории своей страны весной-летом 1915 г. белорусские земли стали одним из главных театров боевых действий. Здесь по линии Двинск – Постава – Сморгонь – Барановичи – Пинск на два с половиной года стабилизировался участок российско-германского фронта со всеми вытекающими из этого последствиями: необходимостью проведения эвакуации населения, учреждений и предприятий, установлением на захваченных германскими войсками землях оккупационного режима, проблемой беженства, кровопролитными боевыми действиями, разорением, разрушением и сожжением городов и сел,

Здесь более всего легли тяжелым бременем на плечи мирного населения неоккупированной части белорусских земель неоднократные мобилизации мужчин, многократные реквизиции лошадей, крупного рогатого и другого скота, фуража, зерна и иного продовольствия, привлечение трудоспособных жителей на строительство военно-оборонительных сооружений и рытье окопов, устройство беженцев и другие тяготы войны.

Несмотря на прошедшее столетие, многие из названных вопросов до сих пор не получили своего системного и комплексного глубокого научного исследования. С точки зрения изучения отдельных событий, имевших место на территории Беларуси, из научных трудов советского периода можно выделить монографии российских военных историков Н. Ф. Евсеева «Свенцянский прорыв (1915 г.)...»¹, Е. А. Меньчукова «Бои под Логишиным в 1915 г. Наступа-

¹ Евсеев Н. Ф. Свенцянский прорыв (1915 г.): военные действия на Восточном фронте мировой войны в сентябре-октябре 1915 г. М.: Гос. воен. изд-во, 1936. 272 с.

тельная операция 31-го армейского корпуса в лесах и болотах»², Н. Е. Подорожного «Нарочская операция в марте 1916 г...»³, А. Н. Де-Лазари «Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.»⁴, А. П. Жилина «Последнее наступление (июнь 1917 г.)»⁵. О сражениях на белорусских землях в 1915–1917 гг. кратко повествует военный историк И. И. Ростунов, освещая ход военных действий на русском фронте Первой мировой войны⁶. С конца 90-х годов XX и в начале XXI в., по мере приближения к 100-летию начала Первой мировой войны интерес к истории стал заметно возрастать. На постсоветском пространстве наибольшую активность в изучении проблем истории Первой мировой войны проявили российские историки. Достаточно назвать только фундаментальные обобщающие труды, подготовленные коллективами авторов и изданные к 100-летию начала этого глобального военного конфликта, такие как «Мировые войны XX века» в четырех книгах, первая книга которого представляет исторический очерк, вторая – сборник документов, посвященные истории Первой мировой войны⁷; «Первая мировая война 1914–1918 годов» в шести томах, в третьем томе которого, наряду с другими вопросами, освещены военные действия на всех сухопутных театрах мировой войны в 1916–1918 гг., в том числе интересующие нас события вооруженной борьбы противоборствующих сторон на белорусских землях⁸; «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис», в котором рассмотрен широкий круг вопросов, связанный с положением страны в годы военного противоборства⁹; «Европа и Россия в огне Первой мировой войны», где в числе других вопросов кратко освещены боевые действия в 1914–1918 гг. на всех театрах войны, в том числе на белорусских землях¹⁰.

В белорусской исторической науке Первая мировая война до 90-х годов XX в. являлась по сути неизвестной войной. И это несмотря на то, что в 1915–1918 гг. белорусская земля была искусственно разделена на две части линией фронта, с обеих сторон которой дислоцировались более чем 1,5 млн германских и столько же российских войск, велись активные боевые действия. Специальные научные исследования по данной проблеме не проводились. Вопросы истории Первой мировой в определенной степени затрагивались лишь в контексте общей истории Беларуси в крупных обобщающих трудах, при освещении революционных событий и деятельности большевиков, прежде всего в войсках Западного фронта. Предпочтение отдавалось изучению проблем истории Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн.

С начала 1990-х годов внимание белорусских историков стали больше привлекать темы, связанные с национально-освободительным движением и процессом становления и развития белорусской государственности в годы Первой мировой войны, а также вопросы просвещения и культуры в этот период на оккупированной территории¹¹. В Беларуси в эти годы отдель-

² Меньчуков Е. А. Бои под Логининым в 1915 г.: наступательная операция 31 армейского корпуса в лесах и болотах. М.: Воениздат, 1937. 73 [3] с.

³ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М.: Воениздат, 1938. 180 с.: схемы.

⁴ Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. 144 с.

⁵ Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917 года). М.: Наука, 1983. 104 с.

⁶ Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М.: Наука, 1976. 389 с.

⁷ Мировые войны XX века: в 4 кн. М.: Наука, 2002. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк / науч. рук. В. Л. Мальков; отв. ред. Г. Д. Шкундин. 686 с.: ил., карт.

⁸ Первая мировая война 1914–1918 годов: в 6 т. М.: Кучково поле, 2015. Т. 3: Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918 годы) / под общ. ред. С. К. Шойгу. 864 с.

⁹ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: Полит. энцикл., 2014. 982 с.: ил.

¹⁰ Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М.: ИНЭС, РУГИН, 2014. 880 с.

¹¹ Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920). Мінск: БДУ, 1999.

ные историки занимались исследованием процессов и событий, происходивших в российских армиях Западного фронта, деятельности государственных и общественных организаций по оказанию помощи беженцам, мероприятий гражданских и военных властей белорусских городов по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности, проблем заключения Брестского мира и его влияния на развитие процесса государственного самоопределения белорусского народа. Освещению этих и ряда других вопросов были посвящены монографии М. М. Смольянинова, С. Ф. Лапановича, В. Н. Черепицы, С. А. Третьяка, А. В. Шаркова, В. Д. Селеменова и др.¹²

Значительному повышению исследовательского интереса к событиям Первой мировой войны послужили подготовка и проведение в 2007 г. Институтом истории Национальной академии наук Беларуси совместно с Сморгонским райисполкомом Международной научно-практической конференции «Беларусь в годы Первой мировой войны: Сморгонщина: трагедия, героизм, память», посвященной 810-дневной обороне Сморгони. Материалы конференции были изданы отдельной книгой. Авторы докладов коснулись вопросов источниковедения и историографии проблемы, локальных боевых действий, беженства, социально-национального характера, музеефикации и мартирологии, заключения перемирия на одном из участков российско-германского фронта¹³.

Более пристальному вниманию белорусских ученых к событиям Первой мировой войны и ее последствиям способствовало менявшееся отношение государства и общественности к изучению и популяризации исторического боевого прошлого нашей страны, увековечению памяти ее героев и жертв. С этой целью в Республике Беларусь была разработана и принята Государственная программа по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн, рассчитанная на 2011–2014 гг. В соответствии с ней были приведены в порядок воинские захоронения, создан мемориал в г. Сморгонь, посвященный памяти воинов и жертв 810-дневной защиты города, в ряде мест установлены мемориальные доски.

Особенно активизировалась исследовательская и публикационная деятельность белорусских ученых в связи с подготовкой к 100-летию юбилею начала Первой мировой войны. На основе изучения большого круга опубликованной литературы, с привлечением архивных документов В. М. Ходаненком была подготовлена и опубликована небольшая по объему, но интересная по содержанию монография, в которой повествуется о социально-экономическом положении населения неоккупированной части белорусских земель в период 1916–1917 гг. и изменениях его социального состава и морально-психологического состояния, вызванных последствиями войны¹⁴. Тема «Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг.» Института истории Национальной академии наук Беларуси являлась частью Государственной программы научных исследований. Результаты исследований отражены в двух монографиях и в науч-

128 с.; Рудовіч С. С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск: Тэхналогія, 2001. 201 с.; Шчаўлінскі М. Б. Беларуская культура ў гады Першай сусветнай вайны (1914–1918 гг.). Мінск: РІВШ БДУ, 2002. 78 с.; Ляхоўскі У. В. Адукацыя Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 гг.). Беласток: Беларус. гіст. т-ва; Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2010. 340 с.

¹² Смольянинов М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Минск: Беларус. навука, 2007. 259 с.; Лапановіч С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). Мінск, 2010; Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. Гродно: ГрГУ, 2006. 536 с.; Трацяк С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 – студзень 1919 г. Мінск: Беларус. навука, 2009. 208 с.; Последний приют солдата: друзья и враги смертью соединены / А. В. Шарков [и др.]. Минск: Изд. дом «Звезда», 2014. 207 с.; Шарков А. В., Хорошевич Е. И. Ставка Верховного главнокомандующего русской армией в годы Первой мировой войны. Минск: Звезда, 2017. 256 с.

¹³ Беларусь у гады Першай сусветнай вайны: Сморгоншчына: трагедія, гераізм, памяць: матэрыялы Міжнар. навук. – практ. канф. (Сморгонь 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд.: А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі. Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. 739 с.

¹⁴ Ходанёнак В. М. Сацыяльна-эканамічнае становішча насельніцтва неакупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (кастрычнік 1915 – кастрычнік 1917 гг.). Віцебск: УА ВДТУ, 2015. 160 с.

ных журналах и сборниках¹⁵. На страницах журналов и сборников было опубликовано большое количество научных статей, посвященных различным вопросам проблем истории Первой мировой войны¹⁶.

Значительно активизировалась деятельность в этом направлении белорусских краеведов, музейных работников и отдельных историков и журналистов, направленная на выявление и пропаганду исторических сведений о событиях, очевидцах и участниках той далекой войны. В последние годы подготовили и опубликовали свои научно-популярные работы В. В. Бондаренко, В. Н. Лигута, В. А. Богданов, В. Н. Белявина, А. Ю. Каркотко и М. А. Российский¹⁷.

В 2014 г., в преддверии 100-летия со дня начала Первой мировой войны, вышел первый в отечественной историографии сборник документов по истории Беларуси в годы Первой мировой войны, в котором опубликованы документы из фондов и коллекций Национального исторического архива Беларуси и Национального исторического архива в Гродно, систематизированные по четырем разделам: военное положение в Беларуси; организация помощи гражданскому населению и лицам, пострадавшим в результате военных действий; положение на территории Беларуси, занятой оккупационными войсками; военнопленные германской и австро-венгерской армий на территории Беларуси¹⁸.

Из приведенного краткого историографического обзора следует, что белорусскими учеными-историками и журналистами в последние годы проделана значительная работа по изучению, отражению в научных и научно-популярных изданиях и прессе и популяризации событий

¹⁵ Смольянинов М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Минск: Беларус. навука, 2014. 317 с.; Его же. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2017. 415, [32] с.; Его же. В окопах под Сморгонью. Газовые атаки на территории Беларуси в годы Первой мировой войны // Беларус. думка. 2012. № 4. С. 86–95; Его же. Укрепление Западного форпоста. Мобилизация в белорусских губерниях Российской империи в начале Первой мировой войны // Беларус. думка. 2013. № 5. С. 79–83; Его же. Обреченные на исход. Проблема беженства и ее решение на белорусских землях в годы Первой мировой войны // Беларус. думка. 2013. № 10. С. 76–83; Его же. Мобилизованные и добровольцы. Дружины государственного ополчения белорусских губерний в годы Первой мировой войны // Беларус. думка. 2014. № 1. С. 89–94; Его же. На защите революции. 100 лет назад рождение и боевое крещение Красной армии происходило на белорусской земле // Беларус. думка. 2018. № 1. С. 20–28; Дмитриева О. П. Национальные общности на территории Беларуси накануне Первой мировой войны // Гіст. – археал. зб. Мінск, 2013. Вып. 28. С. 67–76; Её же. Национальные общности на белорусских землях в период становления советской власти (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.) // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2015. № 2. С. 65–72; Её же. Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Минск: Беларус. навука, 2017. 243 с.; и др.

¹⁶ Коваленя А. А. Помнить уроки прошлого. К вопросу научной разработки истории Первой мировой войны // Беларус. думка. 2013. № 3. С. 41–49; Бобков А. М. Беженцы в Белоруссии в годы первой мировой войны (1915–1916) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя в Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): у 2 ч. Мінск, 1994. Ч. 1. С. 131–138; Его же. Эвакуация промышленности Беларуси в годы Первой мировой войны // Гісторыя. Культуралогія. Мастацтвазнаўства: матэрыялы III Міжнар. кангр. беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый». Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г. Мінск, 2001. Кн. 21. С. 135–141; Бруханчик Е. Смертельный тыл: медицинская помощь раненым и мирному населению Беларуси в годы Первой мировой войны // Беларус. думка. 2013. № 3. С. 89–92; Дмитриева О. П. Положение национальных общностей Беларуси в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2013. № 2. С. 53–61; Смольянинов М. М. К вопросу о мобилизации в белорусских губерниях в начале Первой мировой войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук. канф. Мінск, 6 крас. 2012. Мінск, 2013. Вып. 11: у 2 т. Т. 2. С. 86–92; Его же. Первая мировая война в историографии Беларуси // Гіст. – археал. зб. Мінск, 2013. Вып. 28. С. 63–66; Хаданёнак В. М. Цяжкасці пры правядзенні мабілізацыі на беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны (1914–1918 гг.) // Беларус. гіст. часоп. 2013. № 8. С. 30–35; Самович А. Л. Смертью своей запечатлев. Георгиевские кавалеры – уроженцы Беларуси на фронтах Первой мировой войны // Беларус. думка. 2015. № 11. С. 98–105; Волкава В. В. Дэмаграфічныя змены на акупаванай тэрыторыі Беларусі падчас Першай сусветнай вайны // Беларус. гіст. часоп. 2018. № 1. С. 30–43; и др.

¹⁷ Бондаренко В. В. Утерянные победы Российской империи: события Первой мировой войны на белорусской земле, изменившие ход мировой истории. Минск: Харвест, 2010. 445, [2] с., [16] л. ил.; Его же. Западный щит Российской империи, 1915–1917. Историческая реконструкция событий. Вильнюс: Ин-т воен. истории, 2015. 328 с.; Лигута В. Н. Наша кровь у Сморгони. Минск: Виктор Хурсик, 2005. 53 с., [14] л. ил.; Его же. У Сморгони под знаком Святого Георгия. Минск: Виктор Хурсик, 2010. 336 с.; Битва у Нарочи, 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении. (Нарочская операция): мемориал: пер. с нем. / авт. текста, сост. В. А. Богданов. Брест: Полиграфика, 2016. 376 с.; Белявина В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны. Минск: Беларусь, 2013. 396, [2] с.; Каркотко А. Ю., Российский М. А. На линии огня. Очевидцы о боях за Вилейку в сентябре 1915 года. М.: Вече, 2015. 320 с.

¹⁸ Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): сб. док. / сост.: В. В. Врублевский [и др.]; предс. редкол. В. И. Адамущко. Минск: Беларусь, 2014. 355 с.: ил.

периода 1914–1918 гг. Однако следует признать, что большинство научных статей, опубликованных в журналах и сборниках, посвящены отдельным, узким, регионального характера вопросам из событий Первой мировой войны. В основном это краткие, справочного характера статьи в энциклопедических изданиях и в историко-документальных хрониках районов и городов Беларуси – книгах «Память», увидевших свет в 1985–2006 гг. До сих пор не до конца исследованными остаются вопросы проведения всеобщей мобилизации в белорусских губерниях, формирования дружин государственного ополчения, их функциональной деятельности и участия в сражениях. Требуют более глубокого изучения вопросы эвакуации населения, предприятий и учреждений, проведения реквизиций у местных жителей скота, продовольствия и фуража. Необходимо дальнейшее осмысление причин и факторов, оказывавших влияние на изменение морально-психологических настроений в армейской среде и обществе, раскрытие социально-классовой структуры и национального состава российских войск, дислоцировавшихся и формировавшихся на белорусских землях. Требует более глубокого исследования проблема беженства из белорусских губерний и реэвакуация беженцев в родные места после окончания войны. Необходимо всестороннее изучение такого нового явления для XX века, как женская мобилизация, привлечение женщин к возведению оборонительных укреплений и дорожно-строительным работам, их участие в лечебно-оздоровительной, санитарной и благотворительной деятельности. Пока неизученной остается проблема детской беспризорности в годы войны, забота государства об устройстве приютов, организации школьного обучения детей.

Исследование проблем военной истории Беларуси периода Первой мировой войны затруднено тем обстоятельством, что основной комплекс архивных документов по данной теме находится за пределами Беларуси (в центральных архивах России, Украины, Литвы, Польши и Германии). Белорусские историки зачастую не имеют возможности для долговременной научно-исследовательской работы в архивах Москвы, Петербурга, Киева, Вильнюса, Варшавы, Берлина.

Во втором издании монографии, наряду с освещенными в первом варианте книги вопросами (мобилизация в белорусских губерниях и пополнение до штатов военного времени соединений русской армии, дислоцировавшихся здесь к началу Первой мировой войны; формирование новых частей действующей армии и дружин государственного ополчения; сосредоточение и развертывание войск для начала военных действий и участие в сражениях в Восточной Пруссии, Галиции и на территории Царства Польского; эвакуация населения, учреждений и предприятий, решение проблемы беженства мирных жителей, боевые действия на белорусской земле, падение морально-боевого духа в войсках и последствия этого явления; заключение перемирия с противником и нарушение германцами мирного договора, захват ими почти всей территории Беларуси) дополнительно исследованы и впервые в историографии описаны в шести новых главах проблемы отступления российских войск (в их числе сформированных в белорусских губерниях военных подразделений) на белорусские земли и сражения здесь в 1915 г., более широко раскрыты наступательные операции (Нарочская и Барановичская) русских в 1916 г. и летнее наступление 1917 г. в районе Крево, показаны преследуемые цели, управление войсками и итоги сражений. Приведены условия заключения Брест-Литовского мирного договора, оккупационной политики германского военного руководства; положение мирного населения и его сопротивление оккупационному режиму в белорусском регионе в 1918 г.

Источниковой основой исследования явились в основном архивные документы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ), Национальном архиве Республике Беларусь (НАРБ). Особое внимание было уделено изучению приказов и распоряжений и переписки Ставки Верховного главнокомандующего со

штабами Северо-Западного (с августа 1915 г. – Западного) фронта, а последних – со штабами 1, 2, 3, 4 и 10-й армий; приказы и журналы военных действий корпусов и дивизий, входивших в состав названных армий, многие другие документы и материалы.

Глава 1

Мобилизация в белорусских губерниях Российской империи в начале Первой мировой войны

Нараставшие с конца XIX в. экономические и геополитические противоречия между ведущими государствами Европы привели к Первой мировой войне 1914–1918 гг. Начавшись столкновением между Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антантой (Англия, Франция, Россия), война вовлекла в свою орбиту более 30 государств на всех континентах и впервые в истории приобрела мировой характер.

Белорусская земля так же, как и земли Малороссии, Царства Польского, Лифляндии и Курляндии, являлась форпостом Российской империи на Западе и в первые же дни войны была объявлена на военном положении. Сразу же по объявлении мобилизации в русскую армию пополнялись дислоцировавшиеся здесь и формировались новые войсковые части и подразделения, выдвигаясь затем в места сосредоточения и развертывания для начала военных действий.

Следует отметить, что телеграфное сообщение из Петербурга о «высочайшем повелении призвать чинов запаса и ратников ополчения первого разряда с поставкой лошадей и повозок с упряжью, согласно мобилизационному расписанию 1910 года», поступившее вечером 17 июля¹⁹, не застало врасплох белорусские губернские и уездные власти. Нестабильность миропорядка в Европе тут была замечена задолго до начала военного конфликта. Минский губернатор Я. Е. Эрдели еще 11 марта 1912 г. под грифом «Совершенно секретно. Циркулярно» сообщал полицмейстерам и уездным исправникам губернии о том, что «по подготовительным работам учреждений Красного Креста и воинских частей, квартирующих в гор. Минске, можно предположить, что политический горизонт омрачен некоторыми разногласиями соседних с нами государств и что при всем нежелании войны наша империя может очутиться в таких условиях, при которых нельзя будет уклониться от военных действий». Еще тогда губернатор предписал полицейским властям «немедленно дополнить, поправить, сличить и согласовать все свои подготовительные работы (по мобилизации. – М. С.)... с работами местных уездных по воинской повинности присутствий, приняв меры к тому, чтобы эти работы... находились в полном порядке»²⁰.

В связи с этим в западных округах активизировалась работа по уточнению и совершенствованию мобилизационных планов, отрабатывались временные рамки мобилизации запасных нижних чинов и ратников ополчения, оповещения их и населения путем проведения «пробных» мобилизаций во взаимодействии полицейских властей с воинскими начальниками: по распоряжению Министерства внутренних дел (МВД) полицейские власти на местах для штабов военных округов составляли сведения «о наличном числе годных для войск лошадей, повозок и комплектов упряжи» по данным переписи в каждом военно-конском участке с целью «составления расписания для правильного распределения по частям войск в зависимости от времени доставки их на сдаточные пункты»²¹. Также проводились и другие военно-мобилизационные мероприятия.

Благодаря соответствующей подготовке губернские и уездные власти оперативно отреагировали на телеграфное сообщение о мобилизации. Например, минский полицмейстер, получив телеграмму вечером 17 июля, в течение двух часов нарочным порядком разослал участко-

¹⁹ В издании даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю (кроме цитат).

²⁰ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 31. Л. 30.

²¹ Там же. Л. 12.

вым приставам города заранее заготовленные «особые красные конверты» с объявлениями для населения и личного оповещения мобилизуемых. По распоряжению Минского уездного воинского начальника началась организация и оборудование сборного пункта для приема и медицинского осмотра мобилизуемых, временного их расквартирования и обеспечения порядка²².

Явка чинов запаса в соответствии с предписанием была назначена на 8 часов утра 18 июля. Прием и отправление их в воинские части производились на второй-пятый дни мобилизации.

В Минске признанные годными к службе чины запаса поступали на пополнение квартировавшихся тут частей 4-го армейского корпуса, 30-й и 76-й артиллерийских бригад, 30-го паркового артиллерийского дивизиона, 30-й пехотной дивизии, 119-го Коломенского и 120-го Серпуховского пехотных полков. На территории Минской губернии мобилизованными комплектовались дислоцировавшиеся в Несвиже 40-я артиллерийская бригада, в Барановичах – 6, 9 и 10-й железнодорожные батальоны, в Бобруйске – 301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки, 12-й обозный батальон, в Лиде – 4-я авиационная рота²³.

Как видно из донесения губернатора Витебской губернии в МВД, «объявленная мобилизация, благодаря подробной разработке мобилизационных планов и детальному ознакомлению с ними лиц», непосредственно руководивших мобилизацией на местах, «прошла успешно»²⁴. Мобилизованными комплектовались 25-я и 43-я артиллерийские бригады, 99-й Ивангородский, 100-й Островский, 106-й Уфимский и 114-й Новоторжский пехотные полки, 5-й железнодорожный батальон, другие части, квартировавшиеся на территории губернии²⁵.

Организованно и спешно проходила мобилизация и в Гродненской губернии. К этому понуждало и командование. Так, командир 19-го армейского корпуса генерал В. М. Горбатовский, штаб которого дислоцировался в Брест-Литовске, в своих телеграммах начальникам 17-й и 38-й пехотных дивизий требовал «ввиду серьезности положения, вести мобилизационные работы при полном напряжении. Все, что можно сделать раньше, чем назначено по мобилизационному плану, должно быть сделано»²⁶. В Гродно уездным воинским начальником были организованы подготовка помещения для приема и медосмотра запасных и ратников ополчения, оборудование питательного пункта, определены места расквартирования мобилизованных. Из прошедших медицинскую комиссию комплектовались маршевые роты, которые направлялись к пунктам формирования воинских частей. На территории губернии пополнялись дислоцировавшиеся тут части 2-го и 19-го армейских корпусов, 26, 38 и 75-я артиллерийские бригады, 17, 26, 38 и 43-я пехотные дивизии, 102-й Вятский, 171-й Кобринский, 172-й Лидский пехотные полки, 3-й обозный и 4-й саперный батальоны, другие части, а также подразделения гарнизона Гродненской крепости²⁷.

Проводилась мобилизация чинов запаса и в Могилевской губернии. Например, в Могилеве формировался 303-й пехотный Сенненский полк, в Быхове – 30-я артиллерийская бригада, в Чаусском уезде – 11-й обозный батальон²⁸.

Архивные документы свидетельствуют, что в целом по белорусским губерниям мобилизация военнообязанных проходила успешно и в основном своевременно. Об этом в штаб округа в Вильно сообщал 24 июля минский уездный воинский начальник полковник М. П. Горбачев: «Формирование команд запасных нижних чинов окончено полностью»²⁹. По сло-

²² НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 63. Л. 19, 20.

²³ Там же. Л. 24, 30–49; РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 6. Л. 127, 130, 176, 204; Ф. 2910. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

²⁴ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49069. Л. 9.

²⁵ Там же. Ф. 2795. Оп. 1. Д. 636. Л. 1, 2; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1917. Л. 160.

²⁶ РГВИА. Ф. 2216. Оп. 1. Д. 124. Л. 21, 22.

²⁷ Там же. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 6. Л. 88, 201, 276, 322; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1917. Л. 127, 146.

²⁸ Там же. Л. 90; Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–6.

²⁹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 14. Л. 10.

вам донесения председателя Гродненского уездного присутствия А. И. Ушакова гродненскому губернатору, «результаты призыва благоприятны» в Гродненском уезде, где до 24 июля со сборного пункта к нему явились 4900 человек из 5000 призываемых³⁰.

В ряде уездов по укомплектованию дислоцировавшихся там войсковых частей на сборных пунктах оставался излишек мобилизованных. Об этом сообщали в штаб округа в Вильно уездные воинские начальники из Минска, Борисова, Бобруйска, Игумена (современный Червень), Мозыря, Речицы, на сборных пунктах которых на 24 июля насчитывалось в общей сложности около 4500 мобилизованных³¹. Причем их численность продолжала увеличиваться. Вот как об этом, например, сообщал из Речицы воинский начальник подполковник Саркисов: «Прибывают отставшие. Излишек по всем категориям увеличивается» (на 26 июля он составлял более 2000 человек³². – М. С.). Чиновник был озабочен их размещением, просил «спешный наряд на большее количество, чтобы избежать задержки запасных на сборном пункте», так как «сборный пункт для ратников и запасных тесен».

В ответ на тревожные телеграммы воинских начальников с мест начальник штаба округа распорядился «излишки пока задерживать при управлениях для пополнения недоукомплектованных еще строевых частей». В соответствии с этим распоряжением уже в ночь на 24 июля из Бобруйска была отправлена «команда излишков» в 500 человек на комплектование 171-го пехотного Кобринского полка в Гродно, из Речицы около 300 человек были отправлены в Сувалки³³.

Согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», объявленному приказом № 446 по Военному ведомству от 23 июля 1914 г., на шестой день мобилизации началось формирование дружин государственного ополчения. Оно проводилось после того, как в основном были сформированы части и подразделения действующей армии. Дружинам присваивались общие номера, причем к номеру дружины добавлялось название губернии, из ратников которой она формировалась полностью или в большинстве. Формирование ополченских дружин и команд производилось при управлениях уездных воинских начальников, а также при войсковых частях.

Ратники ополчения делились на два разряда. Порядок призыва ратников 1-го разряда на сборные пункты, медицинский осмотр и прием на службу, довольствие и обмундирование, отправление принятых по назначению осуществлялись по тем же правилам, что и для призыва нижних чинов запаса в части действующей армии.

В ратники ополчения этого разряда зачислялись лица до 38-летнего возраста, имевшие льготы от призыва в войска, а также уволенные из постоянных войск. Сформированные из них дружины привлекались к несению гарнизонной службы в пунктах постоянного квартирования войсковых частей, выступивших в поход к театру военных действий. Они несли охрану железных дорог и коммуникаций оборонного и стратегического назначения, службу в крепостях, а также использовались для пополнения контингента войск действующей армии через запасные батальоны.

В ратники ополчения 2-го разряда зачислялись льготные при ежегодных призывах в армию, а также уволенные из частей войск и из запаса по негодности к строевой службе, но способные носить оружие. Данная категория ратников после обучения так же, как и 1-я категория, привлекалась к несению караульной службы, выполнению других служебных обязанностей, но не направлялась на пополнение войсковых частей действующей армии.

³⁰ Черепица В. Н. Город – крепость Гродно в годы Первой мировой войны. С. 56.

³¹ Подсчитано автором по: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 14. Л. 10, 12, 13, 20.

³² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 14. Л. 20.

³³ Там же. Л. 24, 31.

На командные должности в части государственного ополчения назначались «обязанные службой в ополчении лица офицерского звания» с соответствующим должности военным образованием. Причем на высшие должности (начальников бригад, штабов, командиров дружин) утверждались штабами военных округов по кандидатским спискам, составленным в мирное время Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ); на должности командиров конных сотен, саперных полурот, рабочих рот, начальников отдельных команд – в дни призыва уездными воинскими начальниками по согласованию со штабами военных округов³⁴.

Формирование ополченской части осуществлял ее командир. Предельный срок формирования был установлен двухнедельный со дня прибытия в пункт формирования последней партии укомплектования.

Из-за недостатка офицеров при формировании ополченских частей возникали сложности с назначением на командные должности, особенно на должности низшего звена. Об этом свидетельствуют сообщения уездных воинских начальников в штабы военных округов. Так, в Вильно и Двинск телеграфировали из Минска, Мозыря, Речицы, Игумена, Слуцка, Борисова, Лепеля, Новогрудка, Пинска, Гродно, Бобруйска, Мстиславля, Чаус, Черикова, Быхова³⁵. В связи с этим последовали указания ГУГШ призвать всех отставных офицеров, «не перешедших предельного возраста», «если их зачисление в ополчение не противоречит установленным требованиям», а также принять на учет и зачислить в ополчение всех офицеров, перешедших предельный возраст, но годных к службе по состоянию здоровья и пожелавших добровольно служить в ополчении³⁶. 2 августа 1914 г. об этом сообщалось губернаторам и это позволило решать вопросы с недостающим контингентом офицерского состава, так как было много добровольцев – старших и младших офицеров, желавших поступить на службу в ополчение. Например, с заявлениями о «добровольном желании поступить на службу в ополченские части» обратились к гомельскому воинскому начальнику «отставные» генерал-майоры Стадницкий и Гриневич, полковники Масловский и Архаров, подполковники Трезвинский и Ушаков; к бобруйскому воинскому начальнику – «изъявившие желание служить в ополчении, перешедшие возраст» полковники Данилевский, Касаткин, Хлопецкий и Белугин, подполковники Цебулевский и Слобичский. К полоцкому воинскому начальнику с «прошением» принять на службу в ополчении обратились, «несмотря на предельный возраст», генерал-майор Кусак, полковник Терлецкий и поручик Михайлов. В Гродненское губернское воинское присутствие добровольно поступили на учет и были призваны в распоряжение уездных воинских начальников полковники Марциновский и Петров, подполковники Лючинский и Бобицкий. В Дриссенское уездное воинское присутствие Витебской губернии «явились призванные из отставки на службу в государственное ополчение» полковники Надольский и Савков. Патриотические настроения и чувства «отставных» хорошо видны в документах тех лет. Так, в своем обращении к командующему 1-й армией подполковник Г. А. Марков написал: «Будучи совершенно здоров и физически силен, находиться в отставке в лучшую годину нашей жизни я не в силах, потому прошу о принятии меня на службу...»³⁷.

Кроме многочисленных добровольцев офицеров и генералов запаса, заявления о добровольном призыве в действующую армию и на службу в дружинах государственного ополчения подавали бывшие в отставке служащие полиции, студенты, гимназисты и учащиеся³⁸. Например, добровольцами в действующую армию поступили вышедшие в отставку чины Минского городского полицейского управления прапорщик А. В. Голомбиевский, подпрапорщики Е. С.

³⁴ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 134. Л. 4.

³⁵ Там же. Л. 71, 240–249, 258–260, 338, 339.

³⁶ Там же. Оп. 8. Д. 7. Л. 34.

³⁷ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7. Л. 480–482, 501, 601, 613.

³⁸ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 91. Л. 412; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49069. Л. 53–54; РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7. Л. 460–484.

Антипов и М. И. Милюк, зауряд-прапорщик Н. П. Сальников, унтер-офицер Ф. П. Оскерко, помощник пристава Б. М. Клишевский, канцелярский служитель Ф. Г. Тумилович; из Рогачевской учительской семинарии «добровольцами ушли на войну» четыре воспитанника: Маршин Юлиан, Мозоляко Николай, Мацулев Алексей и Шпаковский Николай. Находясь на фронте, они поддерживали контакты с директором семинарии М. Ф. Назарьиным, сообщали о фронтовых буднях³⁹. По этно-конфессиональному и социальному составу среди ополченцев преобладали православные крестьяне-белорусы. Были также представители дворянства, купечества, мещан и чиновничества.

На должности младших офицеров в дружинах государственного ополчения назначались вольноопределяющиеся ратники с образованием 1-го или 2-го разряда, а также не проходившие службы в войсках, но имевшие образовательный ценз. Уже 17 августа губернатор Минской губернии А. Ф. Гире сообщал начальнику штаба Двинского военного округа о том, что «во всех ополченских частях командиры имеются»⁴⁰.

Обмундирование ополченских частей и команд осуществлялось «попечением» интенданств. Причем, согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», в качестве обмундирования использовалась «второсрочная мундирная одежда», которая осталась после обмундирования частей действующей армии. Обувь выдавалась из «войсковых и интендантских запасов».

Снаряжение производилось также из «наличия оставшегося в войсковых складах», в том числе «отмененных образцов», «выслуживших табельный срок», а также из специально созданных запасов снаряжения для ополченских частей в пунктах их формирования⁴¹.

Немалые трудности возникали при экипировке ополченских частей. Обмундирование и снаряжение ополченские дружины, согласно мобилизационному расписанию, должны были получать от назначенной для каждой из них части войск при выступлении последних в поход к местам сосредоточения и развертывания для боевых действий. Из-за «экстренного» выступления войск оставшееся обмундирование не было передано дружинам, а оказалось запертым в цейхгаузах (складах), которые были вскрыты только по распоряжению главного начальника снабжения армии и в присутствии специально созданных комиссий. Годное обмундирование, снаряжение и принадлежности для обоза немедленно были переданы ополченским частям по акту. Однако этого оказалось недостаточно. Последовал целый ряд обращений в штаб Двинского военного округа из Минска, Могилева, Гродно с просьбой отдать распоряжение интенданту округа об отпуске недостающего⁴². В сложившейся ситуации имели место случаи, когда командиры ополченских частей обмундировывали личный состав за свой счет. Так поступил командир 400-й Минской дружины в Бобруйске полковник Кириаков. Он, «помня присягу и долг выступить в поход 9 августа», обмундировывал дружину за собственные средства. Сообщая об этом командующему 1-й армией генерал-адъютанту П. К. фон Ренненкампу, он просил «приказания выслать деньги», так как «свои наличные были уже истощены совершенно»⁴³. 15 августа начальник штаба Двинского военного округа, признавая, что «почти все формирующиеся и формировавшиеся ополченские части не получили полностью обмундирование, снаряжение, седла», просил окружного интенданта «сделать соответствующее циркулярное распоряжение о пополнении ополченских частей названными предметами»⁴⁴.

³⁹ НИАБ. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 231. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Л. 593.

⁴¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 134. Л. 4.

⁴² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7. Л. 391, 405.

⁴³ Там же. Л. 34.

⁴⁴ Там же. Л. 394.

Мобилизация перевозочных средств (лошадей, повозок и упряжи) производилась одновременно с пополнением и формированием войсковых частей. В этом также имелись некоторые сложности: неполной была поставка лошадей, не хватало повозок, седел и сбруи. Дополнительными поставкой и закупкой эти недостатки устранялись. Основными поставщиками выступали частные хозяйства, главным образом помещиков и крестьян, а также мещан. Сложнее было с оснащением обозами ополченских частей. Согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», оно производилось повозками «произвольного образца», лошадьми и сбруей, поставленными от населения по «военно-конской и обозной повинности».

Однако при поставке коней, подвод и упряжи для частей действующей армии всё лучшее уже было отобрано. Поэтому комиссиями при проверке дополнительно поставляемого многого забраковывалось. Например, в Могилевской губернии населением Сенненского уезда для ополченских дружин было поставлено 1347 упряжных лошадей, 532 парные повозки и 736 комплектов упряжи. Но из-за низкого качества принято было только 638 комплектов упряжи. Свое неудовлетворение поставками повозок и упряжи для ополчения населением Гомельского уезда выразил командир 398-й Могилевской дружины в донесении Гомельскому уездному по воинской повинности присутствию. Причем ком-дружины просил выслать «недостающие предметы упряжи» и деньги на «необходимый ремонт телег». Об этом он одновременно сообщал Могилевскому губернатору, которого просил «сделать распоряжение о скорейшем удовлетворении дружины предметами обозного снаряжения и приведения его в должный порядок». Населению Чаусского уезда предписывалось дополнительно поставить для 11-го обозного батальона 75 «парных дышловых» повозок и 150 комплектов «дышловой» упряжи, в действительности же комиссией были признаны годными только 17 парных дышловых и 58 «оглобелных с пристяжкой» повозок. Недобор упряжи составлял 97 комплектов, причина – «неимение в уезде достаточного количества годной для поставки упряжи»⁴⁵.

Недостающие предметы для обозов ополченские части закупали у помещиков и зажиточных мещан, а также у крестьян. Так, дворянин Витольд Славинский, владелец поместья Заречно-Толочинской волости, сдал 24 лошади для обоза за 3339 руб.; граф Аполлинарий Хребтович, дворянин А. В. Воронкович, С. Л. Здравский и другие – по три лошади⁴⁶.

Материальной частью: артиллерией, снарядами, патронами боевого комплекта и для прохождения курса учебной стрельбы, а также предметами вооружения ратников ополченские части должны были снабжаться в пунктах формирования из заготовленного еще в мирное время.

Поставка технических средств (автомобилей и мотоциклов) на сдаточные участки производилась с 9 часов утра 21-го по 26 июля. Поставщиками по заранее составленным учетным спискам являлись зажиточные владельцы – помещики, купечество, мещане. Количество поступивших в основном легковых автомобилей было незначительным. Например, на сдаточные пункты в Гродно поступило 29 автомобилей и 7 мотоциклов; в Минске – 28 автомобилей и 13 мотоциклов. Имели место случаи признания комиссиями при осмотре поступившей техники непригодной для войск и возвращения ее владельцам. Распределялись технические перевозочные средства, как правило, в штабы управления войсками⁴⁷.

Следует сказать и о том, что в дни мобилизации случались уклонения от призыва, особенно среди лиц иудейского вероисповедания, путем устройства в тылу, неявки на призывные пункты и нанесения вреда своему физическому состоянию (удаление до десятка зубов), вслед-

⁴⁵ НИАБ. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 74. Л. 120–121, 127.

⁴⁶ Там же. Л. 33.

⁴⁷ Там же. Д. 63. Л. 103–136; Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. С. 48–52.

ствие чего медицинской комиссией при обследовании призываемые признавались негодными к службе в войсках⁴⁸.

Кроме того, в первые дни мобилизации имело место проявление социально-классового антагонизма, выразившегося в буйствах и погромах, насильственных акциях мобилизованных крестьян по отношению к помещикам, особенно там, где были застарелые конфликты на почве потрав и захвата сенокосов, лесных порубок и т. и. Также недовольство мобилизованных было вызвано запретом властями продажи спиртных напитков и закрытием всех казенных и частных лавок в местах расположения сборных пунктов и по пути следования мобилизованных. Это явилось причиной массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами и разграблением винных лавок и погребов. Так, в Витебской губернии, где пьяная толпа ратников и запасных с сопровождающими их родственниками численностью около 8-10 тыс. человек, «чинившая по пути следования разгромы и насилия», прибыв в Лепель «серьезно угрожала общественному порядку». В Полоцком уезде партия ратников в 60 человек, по сообщению уездного исправника витебскому губернатору, следуя через селение Сухой Бор, «напала на казенную винную лавку, вскрыла окна и забрала часть вина». Велижский уездный исправник в рапорте витебскому губернатору докладывал об ограблении казенной винной лавки в Велиже и селе Верховье запасными и ратниками с участием мещан и крестьян.

Подобные случаи имели место и в других белорусских губерниях. Особенно это проявилось там, где местные власти не были к этому подготовлены. Например, в Лепельском уезде Витебской губернии отсутствовала охрана питейных заведений, не всегда были подготовлены подводы для перевозки мобилизованных, не обеспечено сопровождение следовавших колонн полицией. Погромы помещичьих имений и винных лавок происходили в Мозырском, Новогрудском, Игуменском и Сенненском уездах. Всего за период с 19 по 25 июля в белорусских губерниях призывниками с участием местных крестьян было разгромлено 43 помещичьих имения, два фольварка, 67 казенных и частных винных и продовольственных лавок и складов⁴⁹.

Все эти разбойного и преступного характера действия совершались под влиянием морально-психологического заблуждения во вседозволенности и безнаказанности в условиях военной обстановки. Для наведения порядка власти принимали экстренные меры, вплоть до применения оружия и военно-полевых судов⁵⁰. Только в Мозырском уезде около 90 человек были заключены в тюрьму, один по приговору Минского военно-окружного суда казнен. Часть погромщиков успела уйти в войсковые части, где также привлекались к полемому суду командующим 1-й армией генералом П. К. фон Ренненкампом, четыре обвиняемых были повешены⁵¹.

Следует сказать, что в белорусских губерниях совершенные мобилизуемыми акции погромного характера были немногочисленны по числу участников в них и ликвидировались усилиями местных властей. Куда более масштабные «беспорядки» происходили в глубинных губерниях Российской империи. Например, в Казанской губернии – в 12 уездах, в Омской – в шести уездах. В Омском военном округе, по сообщению начальника округа военному министру, «беспорядки среди запасных возникли во многих местах округа, особенно резко в Змеиногорском, Барнаульском, Кузнецком и Бийском уездах», «главное внимание сосредоточено на подавлении беспорядков в Барнауле», где было «большое число запасных, доходящее до тридцати тысяч»⁵².

⁴⁸ РГВИА. Ф. 1915. Оп. 4. Д. 3. Л. 208, 611; НИАБ. Ф. 2537. Оп. 1. Д. 250. Л. 29, 94.

⁴⁹ Савицкий Э. М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 г.). Минск: Наука и техника, 1981. С. 95.

⁵⁰ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 63. Л. 28; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48806. Л. 41.

⁵¹ Там же; Документы и материалы по истории Белоруссии: в 3 т. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1953. Т. 3. С. 759–761.

⁵² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1848. Л. 263, 273.

Военный министр В. А. Сухомлинов уже 24 июля телеграфировал командующим войсками Казанского и Омского военных округов «безотлагательно принять самые решительные меры к немедленному подавлению беспорядков и восстановлению полного порядка самыми энергичными и быстрыми действиями»⁵³. Для подавления взбунтовавшихся мобилизованных военными властями направлялись значительные силы – сотни 5-го Сибирского и 7-го Оренбургского казачьих полков и других казачьих подразделений. В Барнаул для руководства подавлением беспорядков был командирован генерал-майор А. С. Полянский⁵⁴.

Мобилизация среди населения белорусских губерний после объявления войны в основном прошла успешно и в установленные сроки. Этому способствовали как заранее отработанные мобилизационные планы и мероприятия, связанные с мобилизацией, так и целенаправленная официальная пропаганда, внедрявшая в массовое сознание идею о справедливом оборонительном характере войны со стороны России, призывавшая к единению и верноподданничеству «царю и Отечеству» и сумевшая вызвать (на первых порах) патриотические настроения среди всех слоев населения. Для правительственных кругов и местных властей это было особенно важно, так как белорусские губернии являлись форпостом Российской империи. Дислоцировавшиеся и пополненные здесь войсковые соединения и части действующей армии, сформированные дружины государственного ополчения одними из первых выдвигались в места сосредоточения и развертывания для начала военных действий.

По нашим подсчетам, в белорусских губерниях к началу августа 1914 г. сформировались 52 дружины государственного ополчения, восемь ополченских конных сотен, семь ополченских рабочих рот и 27 крепостных рабочих рот⁵⁵.

Только в Минской губернии в соответствии с мобилизационным расписанием необходимо было создать 23 дружины и три конных сотни. Численный состав дружины, как правило, составлял до 1 тыс. человек.

В основном дружины государственного ополчения по объявлении мобилизации в белорусских губерниях сформировались до середины августа 1914 г. По имеющимся сведениям, их количественный состав по уездным городам был следующим:

в Минской губернии: в Минске, Бобруйске, Новогрудке, Пинске и Речице сформировалось по три дружины; в Борисове, Игумене и Мозыре – по две; в Слуцке – одна;

в Могилевской губернии: в Гомеле – три; в Рогачеве и Сенно – по две дружины; в Быхове, Горках, Климовичах, Могилеве, Мстиславле, Орше, Чаусах и Черикове – по одной;

в Витебской губернии: в Невеле – две дружины; в Витебске, Двинске, Дисне, Лепеле, Люцине, Полоцке, Свенцянах и Себеже – по одной;

в Гродненской губернии: в Гродно и Волковыске – по две дружины, в Слониме – одна⁵⁶.

Обучение ратников ополчения начиналось уже по прибытии первых партий в пункт формирования дружин, конных сотен и других подразделений офицерами с помощью унтер-офицеров, ранее проходивших войсковую службу. При этом ратники, мобилизованные из запаса, ранее проходившие строевую подготовку, обучались по сокращенной программе.

В соответствии с мобилизационным расписанием № 20 ГУГШ дружины, а также конные сотни и рабочие роты, сформированные в белорусских губерниях, были распределены следующим образом:

⁵³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1848. Л. 251.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Подсчитано автором по: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 120, 132, 134, 167.

⁵⁶ Подсчитано автором по: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.

В распоряжении Минского военно-окружного управления					
Дружины		Конные соти		Рабочие роты	
№ и название	пункт формирования	№	пункт формирования	№	пункт формирования
374-я Минская	Бобруйск	72-я	Бобруйск	43-я	Гомель
371-я Минская	Борисов	71-я	Гомель	41-я	Слоним
398-я Могилевская	Гомель	69-я	Минск	42-я	Слоним
369-я Минская	Минск	70-я	Пинск		
390-я Минская	Мозырь				
367-я Минская	Новогрудок				
368-я Минская	Новогрудок				
379-я Минская	Новогрудок				
394-я Могилевская	Орша				
387-я Минская	Пинск				
391-я Минская	Речица				
540-я Могилевская	Рогачев				
366-я Гродненская	Слоним				
515-я	Смоленск				
В распоряжении Двинского военно-окружного управления					
364-я Виленская	Вилейка	67-я	Витебск	29-я	Двинск
376-я Витебская	Витебск	68-я	Двинск	30-я	Двинск
384-я Витебская	Двинск			32-я	Дрисса
378-я Виленская	Дисна			33-я	Дрисса
377-я Витебская	Лепель				
363-я Виленская	Ново-Свенцаны				
362-я Витебская	Полоцк				
Назначены в 1-ю армию					
385-я Виленская	Вильно	65-я	Вильно	38, 39, 40, 41-я	Ошмяны
403-я Могилевская	Сенно	66-я	Лида	42, 43, 44-я	Лида
404-я Могилевская	Горки				
539-я Могилевская	Климовичи				
370-я Минская	Минск				
396-я Могилевская	Мстиславль				
393-я Могилевская	Сенно				

Дружины		Конные соти		Рабочие роты	
№ и название	пункт формирования	№	пункт формирования	№	пункт формирования
537-я Могилевская	Чаусы				
538-я Могилевская	Чериков				
361-я Ковенская	Шавли				
Назначены во 2-ю армию					
400-я Минская	Бобруйск			45-59-я	Новогеоргиевск
405-я Минская	Бобруйск			75, 76, 77-я	Осовец
372-я Минская	Борисов				
365-я Гродненская	Гродно				
386-я Гродненская	Гродно				
373-я Минская	Игумен				
381-я Минская	Игумен				
380-я Минская	Минск				
382-я Минская	Слуцк				
Назначены в 3-ю армию					
417-я Могилевская	Могилев				
Назначены в 4-ю армию					
389-я Минская	Мозырь				
388-я Минская	Пинск				
401-я Минская	Пинск				
392-я Минская	Речица				
402-я Минская	Речица				
Назначены в 5-ю армию					
397-я Могилевская	Быхов			60-74-я	Брест-Литовск
399-я Могилевская	Гомель				
525-я Могилевская	Гомель				
395-я Могилевская	Могилев				
541-я Могилевская	Рогачев				

Примечание: таблица составлена автором по: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.

После того как дружины государственного ополчения в основном были сформированы, обмундированы и снаряжены, они выступали в поход к местам назначения. Например, 392-я Минская дружина, сформированная в Речице, прибыла в Люблин (Царство Польское); 368-я Минская дружина, сформированная в Новогрудке, находилась в Лыке (территория Восточной Пруссии); 537-я Могилевская, сформированная в Чаусах, выступила в поход к месту назначения – станция Радзивилишки Либаво-Роменской железной дороги; 4 августа из Черикова выступила в поход 538-я Могилевская дружина, 397-я Могилевская дружина 8 августа выступила в поход из Быхова в Кобрин Гродненской губернии; 377-я Витебская дружина, сформированная в Лепеле, частями (поротно) была направлена в Лиду и на станцию Рожанка также Гродненской губернии. По прибытии в пункты назначения дружины, конные сотни несли карательную службу, службу по охране железных дорог, мостов, этапов транспортов, военных гуртов скота.

Необходимо отметить, что император Николай II и военные власти Российской империи до последнего проявляли осторожность в подготовке к военным действиям. Даже в последние предмобилизационные дни они надеялись на разрешение конфликта дипломатическим путем. Генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов 15 июля (за три дня до объявления мобилизации), ставя в известность начальника штаба Варшавского военного округа о намерении, «если это окажется возможным, перевезти 5-ю кавалерийскую дивизию и 2-ю и 3-ю отдельные кавалерийские бригады», просил «уведомить о желательных пунктах высадки, имея в виду, что выдвижение 5-й кавалерийской дивизии на границу с Германией до объявления мобилизации по политическим соображениям нежелательно»⁵⁷. 19 июля, уже после объявления мобилизации, он телеграфно просил начальников военных округов «немедленно подтвердить, что до получения особой телеграммы открытие военных действий с нашей стороны недопустимо... несоответствующим общей обстановке, требующей избегать пока актов, могущих повлечь перерыв продолжения дипломатических переговоров»⁵⁸.

Войсковые соединения и части, дислоцировавшиеся на территории белорусских губерний, пополненные в дни мобилизации по штатам военного времени, были выдвинуты в места сосредоточения и развертывания для начала военных действий. Они влились частично в состав 1-й армии (командующий генерал П. К. фон Ренненкаммпф) и 2-й армии (командующий генерал А. В. Самсонов), образовавших Северо-Западный фронт (главнокомандующий генерал Я. Г. Жилинский), направленный против германских войск, сосредоточенных в Восточной Пруссии. Часть войск с крепостью Брест-Литовск была влита в состав 5-й армии (командующий генерал П. А. Плеве), входившей в Юго-Западный фронт (главнокомандующий генерал Н. И. Иванов), направленный против Австро-Венгрии.

Дружины государственного ополчения согласно мобилизационному расписанию намечалось распределить следующим образом: 10 ополченских частей – в 1-ю армию, девять – во 2-ю, пять – в 4-ю, пять – в 5-ю, одну – в 8-ю армию. 14 дружин были назначены в распоряжение начальника Минского военно-окружного управления, семь дружин – в распоряжение начальника Двинского военно-окружного управления⁵⁹.

Еще в период сосредоточения армий в Ставке Верховного главнокомандующего (генерал-адъютант Великий князь Николай Николаевич) назревало решение о скорейшем переходе в наступление обоих фронтов с целью поддержки французов ввиду готовившегося против них главного удара германцев. Начало наступления на Северо-Западном фронте намечалось к 14-му дню мобилизации, что отвечало сроку, установленному военной конвенцией с Францией, а на

⁵⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1848. Л. 55.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1848. Л. 106.

⁵⁹ Там же. Д. 1836. Л. 120–192.

Юго-Западном фронте – на 19-й день мобилизации, когда могла быть развернута только 1/3 русских войск при почти полной неготовности тыловых учреждений обеспечить длительное наступление⁶⁰.

Следует отметить, что по причине слабой развитости сети железнодорожного сообщения в Российской империи пополнение войск мобилизованными, их выдвижение в места развертывания значительно затягивалось. Имели место случаи, когда на укомплектование частей, дислоцировавшихся на территории белорусских губерний, в дни мобилизации не прибыло пополнение из центральных и отдаленных губерний. Так, на укомплектование 9-го железнодорожного батальона в Барановичи не прибыли две партии: Мелитопольская – 118 человек и Самарская – 100 человек⁶¹. В 12-й обозный батальон, формируемый в Бобруйске, не поступили 610 человек из Ченстохова. Сообщая об этом в штаб Двинского военного округа, уездный воинский начальник просил разрешения дать людей в обозный батальон из «излишка запасных разных категорий», которых насчитывалось 700 человек. Разрешение было получено⁶². Обозный батальон пополнился мобилизованными из местного населения.

Еще сложнее было с перевозкой войск из сибирских военных округов и Приамурья. Об этом сообщалось Главным штабом из Петрограда по «прямому проводу», «секретно» в Ставку Верховного главнокомандующего: «Вследствие разницы пропускной способности железных дорог к западу и к востоку от Байкала на четыре пары и учитывая важное значение прибытия эшелонов с пехотой в район театра военных действий, направил одновременно с 1-м Сибирским корпусом 12-ю и 14-ю Сибирские дивизии с их артиллерией»⁶³. Из-за слабой пропускной способности железной дороги произошло значительное скопление войск, нарушился порядок их продвижения по Восточно-Сибирской железной дороге: половина 1-го Сибирского корпуса, 13-я Сибирская дивизия, Забайкальская казачья бригада; затем – вторая часть 1-го Сибирского корпуса, 12-я и 14-я Сибирские дивизии. Это, в свою очередь, повлекло непоследовательность прибытия 5-го Сибирского корпуса, одна дивизия которого уже проследовала, а 6-я Сибирская должна была следовать только после 6-го Сибирского корпуса⁶⁴. Создавшуюся путаницу командование объясняло «стремлением скорейшего направления на запад эшелонов» с войсками. Таким образом, дивизии сибирских корпусов начали прибывать на фронт только в октябре, когда войска Северо-Западного фронта, в состав которых были направлены соединения и части, дислоцировавшиеся и пополненные мобилизованными на территории белорусских губерний, уже перешли в наступление и вели боевые действия в Восточной Пруссии. Соединения и части (19-й армейский корпус), влившиеся в состав 4-й и 5-й армий Юго-Западного фронта, вступили в сражения на территории Польши и Галиции.

Таким образом, мобилизация в белорусских губерниях в начале Первой мировой войны прошла оперативно и в установленные сроки. В целом чины запаса и ратники ополчения проявили дисциплинированность и законопослушание, свою верность присяге, «царю и Отечеству». Известие о начале войны населением белорусских губерний было воспринято как суровая реальность, угроза государству. Преобладали патриотические настроения, желание помочь православным сербам, выступить в защиту славянства. Этому способствовала пропагандистская агитация деятельности государственных органов, церкви, образовательных и общественных организаций. По неполным сведениям, из белорусских губерний летом 1914 г. было мобилизовано до 150 тыс. человек. Мобилизованными пополнились по штатам военного времени соединения и части, дислоцировавшиеся на белорусской территории, сформировались новые

⁶⁰ См.: Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг.: в 2 т. М.: Воениздат НКО СССР, 1938. Т. 1: Кампания 1914–1915 гг. С. 69–70.

⁶¹ РГВИА. Ф. 1932. Он. 8. Д. 6. Л. 184.

⁶² Там же. Л. 235.

⁶³ Там же. Ф. 2000. Он. 1. Д. 1852. Л. 126.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1852. Л. 126.

полки действующей армии и дружины государственного ополчения, подразделения тылового снабжения. В ряде уездов имел место «излишек» мобилизованных. Это позволило воинским начальникам пополнить части и подразделения, не дожидаясь пополнений из отдаленных губерний Российской империи. По причине неразвитости сети железных дорог на огромной территории страны (особенно в Сибири и Приамурье) затягивались по срокам как мобилизация, так и доставка на фронт пополненных мобилизованными дислоцировавшихся там частей и соединений. В конечном счете соединения и части из белорусских губерний, в «спешном» порядке выдвинутые в места сосредоточения, составили неполный комплект формируемых 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта и 4-й и 5-й армий Юго-Западного фронта, одними из первых двинутых Верховным командованием в соответствии с франко-русской военной конвенцией в наступление.

Глава 2

Сосредоточение и развертывание войск. Участие в боевых действиях в августе-декабре 1914 г

Сосредоточение и развертывание войск русской армии для начала военных действий против войск противника осуществлялось в соответствии с планом развертывания войск, составленным Генеральным штабом в 1913 г. и «высочайше» утвержденным 25 сентября 1913 г. При составлении плана Генштабом принимались во внимание и учитывались прогнозы того, что «глава враждебного России Тройственного союза – Германия», «обладающая наиболее могущественной армией и весьма высокой боевой готовностью... по всей вероятности направит главные свои силы» против союзницы России – Франции, «ограничиваясь выставлением против русских лишь строго необходимого заслона... готового к наступательным действиям с первых же дней войны, опираясь на сильно подготовленный в инженерном отношении Восточно-Прусский район с его оборонительными линиями Мазурских озер и Вислы»⁶⁵. Считалось, что «такая обстановка требует при назначении войск для действий против Германии прежде всего заботиться о скорейшей боевой готовности этих войск, чтобы облегчить им отражение возможных уже в первые дни ударов». Предусматривалось, чтобы численность войск была «достаточной... не только отразить удар, но и перейти затем в наступление, однако без излишнего нагромождения войск»⁶⁶.

Генштабом принималось во внимание наличие у Германии «хорошо развитой сети стратегических железных дорог», что позволяло ей «свободно внести коренные изменения в свой оперативный план в самое короткое время». На этот случай, «чтобы гарантировать себя от тяжелых последствий», планировалось «иметь некоторый запас сил на германском фронте, пока окончательно не выяснится действительная обстановка». Такая необходимость, по мнению Генштаба, вызывалась «наиболее короткими оперативными направлениями именно из вероятных районов развертывания немцев к нашим обеим столицам», а также «обязанностями по отношению к союзнице (Франции. – М. С.), заинтересованной в оставлении возможно больших наших сил именно против Германии...»⁶⁷

«Исходя из всех этих соображений и принимая во внимание» к тому времени дислокацию войск русской армии, считалось «целесообразным, прежде всего, оставить на местах в Виленском и Варшавском военных округах против Германии те корпуса, которые уже по мирной дислокации нацелены на этот фронт, а именно: XX, III, II, VI, XV и XXIII армейские корпуса» – всего 12 пехотных дивизий и две стрелковых бригады с «наиболее быстрой готовностью»⁶⁸. С целью «обеспечить... некоторое превосходство в силах... на тот случай, если бы немцы... оставили бы на своем восточном... фронте вероятный максимум сил, исчисляемый в 25 дивизий», предусматривалось дополнительно «к поименованным выше пограничным корпусам добавить на Северо-Западный фронт ближайшие IV (дислоцировался в Минске. – М. С.) и Гвардейские корпуса, а также несколько второстепенных дивизий (судя по расчетам – 10 дивизий. – М. С.)». Всего предполагалось иметь 27 пехотных дивизий против 16–25 немецких. Таким образом, по расчетам Генштаба, создавались «условия перехода в наступление», которыми обеспечивался бы «тыл войск, долженствующий развить наступление против австрийцев

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 392.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 393.

⁶⁸ Там же.

и расширяющий маневренный район для будущих операций против Германии путем захвата Восточной Пруссии»⁶⁹.

Боевым расписанием было намечено следующее распределение войск по армиям и фронтам.

На Северо-Западный фронт: 1-я армия в составе XX, III, IV армейских и Гвардейского корпусов, семи второстепенных дивизий, 1-й и 2-й гвардейских, 1, 2 и 3-й кавалерийских дивизий и 1-й отдельной кавалерийской бригады. Всего 15 пехотных дивизий, одна стрелковая бригада, 5½ кавалерийской дивизии. Кроме того, командующему армией входили в подчинение крепости Ковно и Усть-Двинск. Штаб армии размещался в Вильно. Главные силы 1-й армии разворачивались на среднем Немане, между Вислой и Друскениками⁷⁰.

Состав 2-й армии был следующим: II, VI, XV и XXIII армейские корпуса, одна стрелковая бригада, три второстепенные дивизии, 1, 5, 6 и 15-я кавалерийские дивизии. Всего 11 пехотных дивизий, одна стрелковая бригада, четыре кавалерийские дивизии. В подчинение командующего армией входили крепости Гродно, Осовец, Новогеоргиевск. Штаб армии должен был размещаться в Варшаве, затем – в Волковыске. Развертывание 2-й армии планировалось по Бобру и Нареву, главными силами в районе Гродно – Ломжа – Белосток⁷¹.

В руках главнокомандующего Юго-Западным фронтом объединялись 4, 5, 3 и 8-я армии. С объявлением войны территория юго-западных белорусских уездов – Брестского, Пружанского и Кобринского – входила в подчинение командующего 5-й армией⁷².

В состав 5-й армии, наряду с XIII, XVII и XXV армейскими корпусами, входил XIX армейский корпус, штаб которого накануне войны передислоцировался из Варшавы в Брест-Литовск. В корпус были включены: 38-я пехотная дивизия (размещалась в Брест-Литовске), 17-я пехотная дивизия (в Холме), 7-я кавалерийская дивизия (во Владимир-Волынке), 1-я Донская казачья дивизия (в Замостье)⁷³. Командующему 5-й армией входила в подчинение крепость Брест-Литовск, где намечалась и дислокация штаба армии. 5-я армия разворачивалась в районе Холм – Ковель – Брест-Литовск. Первоначальной задачей армии намечалась разведка противника в Восточной Галиции, прикрытие мобилизации и общего развертывания, подготовка к наступлению на фронте Любачев – Жолкиев. Район Брест-Литовск – Кобрин 5-я армия должна была сохранять в своих руках «при всякой обстановке»⁷⁴.

По объявлении войны мобилизация, сосредоточение и развертывание русских войск в основном осуществлялось по заранее разработанному плану войны. Однако из-за отдаленности расположения многих частей от театра военных действий и слабо развитых путей сообщения их прибытие в места сосредоточения значительно затягивалось. Российская империя на 15-й день мобилизации могла закончить сосредоточение только около 1/3 части войск от запланированного, на 30-й день – до 2/3. В период от 30-го до 60-го дня мобилизации прибывали второочередные части кавалерии и войска из отдаленных округов. После 60-го дня были доставлены войска из Сибири и Приамурья. В то время как Германия закончила мобилизацию 23 июля, 25 июля началась и к 4 августа завершилась перевозка войск в намеченные для них районы на бельгийской и французской границах. В Восточной Пруссии развертывание германских сил закончилось 28 июля. После этих сроков в течение нескольких дней подвозились тыловые службы. Оперативности перебрасывания войск способствовала хорошо развитая и предварительно подготовленная сеть железных дорог.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 393.

⁷⁰ Там же. 395.

⁷¹ Там же. Л. 396.

⁷² Там же. Л. 2.

⁷³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1917. Л. 160.

⁷⁴ Там же. Д. 1836. Л. 397.

В Австро-Венгрии мобилизация полевых дивизий с обозами заканчивалась на 6-8-й день мобилизации, вспомогательных дивизий – на 9-10-й день. Перевозка войск против России была начата 24 июля и в основном завершилась 7 августа⁷⁵.

Таким образом, Российская империя в проведении мобилизации и сосредоточения армий в местах развертывания значительно отставала по времени от своих противников и с самого начала была поставлена в неблагоприятные условия. Однако еще во время сосредоточения войск в Ставке Верховного главнокомандующего (Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич, начальник штаба генерал Н. Н. Янушкевич) назревало решение о скорейшем переходе в наступление с целью поддержать французов ввиду готовившегося против них главного удара германцев. Сроки начала наступления были намечены на Северо-Западном фронте на 14-й день мобилизации, на Юго-Западном – на 19-й день. Это отвечало сроку, установленному военной конвенцией с Францией. Следовательно, решение о начале наступления принималось в условиях, когда армии были развернуты только на 1/3, при почти полной неготовности тыловых учреждений обеспечить длительное наступление.

В свою очередь сложившаяся ситуация заставила прибывшую в Барановичи Ставку Верховного главнокомандующего русской армией внести некоторые коррективы в план развертывания войск. Великий князь Николай Николаевич, будучи и сам сторонником наступательных действий на левом берегу Вислы – «в сердце Германии», под давлением французского союзника, потребовавшего наступления русских армий не только в Восточной Пруссии, но и от Варшавы через Познань на Берлин, принял решение сосредоточить у Варшавы маневренную группу. С этой целью он приказал свернуть на Варшаву следовавший из Петербурга в состав 1-й армии гвардейский корпус.

Окончательное развертывание русских армий, в состав которых влились части и соединения, дислоцировавшиеся на территории белорусских губерний, сложилось следующим образом.

Северо-Западный фронт (главнокомандующий генерал Я. Г. Жилинский, начальник штаба генерал В. А. Орановский) – в составе 1-й и 2-й армий. В свою очередь 1-я армия (командующий генерал П. К. фон Ренненкампф, начальник штаба генерал Г. Г. Милеант) в составе 20-го (комкор генерал В. В. Смирнов), 3-го (комкор генерал Н. А. Епанчин), 4-го (комкор генерал Бек-Алиев) армейских корпусов, 1-й и 2-й гвардейских, 1, 2 и 3-й кавалерийских дивизий и 1-й отдельной кавалерийской бригады; 2-я армия (командующий генерал А. В. Самсонов, начальник штаба генерал П. И. Постовский) в составе 2-го (комкор генерал С. М. Шейдеман), 6-го (комкор генерал А. А. Благовещенский), 15-го (комкор генерал Н. Н. Мартос) и 23-го (комкор генерал К. А. Кондратович (белорус)) армейских корпусов; 4, 6 и 15-й кавалерийских дивизий.

Юго-Западный фронт (главнокомандующий генерал Н. И. Иванов, начальник штаба генерал М. В. Алексеев) – в составе 4, 5, 3 и 8-й армий. 5-я армия (командующий генерал П. А. Плеве, начальник штаба генерал Е. К. Миллер) состояла из 25, 19, 5 и 17-го армейских корпусов, сводной кавалерийской, 3, 4 и 5-й Донских казачьих дивизий. Таким образом, в 5-ю армию влился 19-й армейский корпус (комкор генерал В. Н. Горбатовский) в составе 17-й и 38-й пехотных дивизий (последняя дислоцировалась в Брест-Литовске). 4-я армия (командующий генерал барон А. Е. Зальц, начальник штаба генерал А. Е. Гутор) состояла из 14-го и 16-го армейских и гренадерского корпусов, 5, 13 и 14-й кавалерийских дивизий, Уральской казачьей и отдельной гвардейской бригад и так же, как 1, 2 и 5-я армии, обслуживалась многочисленными тыловыми подразделениями, сформированными в белорусских губерниях.

Военные действия русских войск начались в Восточной Пруссии. План наступления был определен Ставкой и изложен в письме начальника штаба генерала Н. Н. Янушкевича главно-

⁷⁵ Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 109.

командующему Северо-Западным фронтом Я. Г. Жилинскому от 28 июля 1914 г. Свое окончательное оформление он получил в директивах главнокомандующего фронтом.

Директива Северо-Западного фронта ставила русским 1-й и 2-й армиям задачу поражения германских войск, оставленных германским командованием на востоке, и овладения Восточной Пруссией с целью развития дальнейших операций для вторжения в глубь Германии. 1-й армии предстояло, перейдя Государственную границу и оставив заслон в сторону Летцена, наступать на фронт Инстербург – Ангербург в обход Мазурских озер с севера для охвата левого фланга противника. 2-й армии была поставлена задача наступать с линии Августов – Граево – Мышенец – Хорже-ле и нанести главный удар на фронт Летцен – Рудшаны – Ортельсбург, обойти Мазурские озера с запада для удара во фланг и тыл расположенным там германцам. Общая идея операции – охватить группировку германских войск с обеих сторон.

4 августа 1914 г. 1-я армия была двинута в наступление. 4-й армейский корпус в составе 30-й и 40-й пехотных дивизий, накануне войны дислоцировавшийся на территории Минска и губернии, занимал южный левый фланг и следовал на линии Пжеросль – Гольдап – Даркемен.

С самого начала наступавшие соединения корпуса столкнулись с большими трудностями. Уже 5 августа начальник 30-й пехотной дивизии генерал А. К. Коленковский в своем донесении командиру корпуса сообщал о значительном повреждении моста через протекавшую на их пути следования р. Гурна, восстановление которого заняло около четырех часов. Это замедлило продвижение войск, особенно артиллерии. Кроме того, войскам дивизии на пути к Гольдапу предстояло преодолеть заминированное пространство и укрепленные позиции противника⁷⁶. 6 августа 120-й пехотный Серпуховский полк дивизии занял Гольдап. Сюда же по приказу командира корпуса был немедленно из Пжеросли перебазирован штаб корпуса⁷⁷.

Справа от 4-го корпуса наступал 3-й армейский корпус в составе 25-й и 27-й пехотных дивизий, начавший поход на шесть часов раньше других. Сбив германское сторожевое охранение, дивизии 3-го корпуса успешно атаковали части 1-го германского корпуса на фронте Кальвейтшен – Допе-нен, отбросили их на линию Геритен – Иогельн и оттеснили почти к Сталюпену. С целью окончательного поражения противника в охват правого их фланга был направлен 105-й пехотный Оренбургский полк 27-й пехотной дивизии, который, энергично наступая, не принял мер для прикрытия своего левого фланга. Подошедшее к германцам подкрепление ударило из артиллерии в тыл 105-му полку. Полк отступил, открыв тыл всей 27-й пехотной дивизии, которая также вынуждена была отступить с огромными потерями – более 6500 человек. Причиной неудачи явилось отсутствие связи и взаимодействия 27-й дивизии с соседними частями: с 25-й дивизией своего же корпуса (справа) и с 40-й дивизией 4-го корпуса, находившегося уступом назад (слева)⁷⁸. Последняя к этому времени наступала в направлении Эцгергален – Роментен – Гольдап одним 160-м Абхазским полком с двумя орудиями через Роментенский лес на Терпуде, к северу от леса – тремя полками с шестью батареями к шоссе Эцгергален – Роментен⁷⁹.

Наступление 1-й армии продолжалось в заданном направлении. 30-й пехотной дивизии, занявшей Гольдап, 7 августа командующим 1-й армией было приказано «немедленно перейти в наступление против правого фланга противника в направлении Вальтеркемен». Сообщая об этом начальнику дивизии, командир 4-го корпуса в свою очередь приказал «немедленно атаковать противника на фронте Шкуонен – Буйлиен»⁸⁰.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2.

⁷⁷ Там же. Л. 14.

⁷⁸ См.: Коленковский А. К. Маневренный период мировой империалистической войны 1914 г. М.: Воениздат НКО СССР, 1940. С. 180.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 29.

Произошло первое крупное столкновение с неприятелем дивизии, пополненной мобилизованными из белорусских губерний. По сообщением командира корпуса генерала Бек-Алиева командующему армией генералу П. К. фон Ренненкампу, уже в тот же день «вся 30-я дивизия ввязалась в упорный бой... Неприятель наседает... На тридцатую дивизию обрушились значительные силы с севера и северо-запада... Под вечер дивизия израсходовала все резервы...» Подвоз боеприпасов был «крайне затруднен» по причине значительного удаления от базы снабжения – Сувалок⁸¹. Начальник дивизии генерал А. К. Коленковский характеризовал этот бой, как «страшно кровопролитный», с «очень большими потерями в офицерском составе» и «значительными в нижних чинах»⁸².

В этот день произошел упорный бой под Гумбиненом – на правом фланге 3-го армейского корпуса и левом 20-го армейского, занимаемом 28-й пехотной дивизией, с войсками 1-го германского корпуса, подкрепленного частями Кенигсбергского гарнизона. Главный удар был нанесен по 28-й пехотной дивизии, понесшей огромные потери: 104 офицера, 6945 нижних чинов, 8 орудий и 23 пулемета. Атака германцев была отбита при помощи артиллерии⁸³.

Одновременно 17-й германский корпус, отеснив сторожевое охранение 27-й и 40-й пехотных дивизий на восточном берегу р. Роменты, повел наступление в северо-восточном направлении. Поверив донесениям воздушной разведки об отсутствии русских войск южнее шоссе Гумбинен – Сталюпенен, командир корпуса генерал Макензен принял решение повернуть и атаковать, чтобы завершить успех, одержанный 1-м корпусом. Однако его части были встречены дружным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем 27-й пехотной дивизии и трех полков 40-й пехотной дивизии. Противнику был нанесен большой урон: 8 тыс. человек, в том числе 200 офицеров, взято в плен около 1 тыс. человек, захвачено 12 орудий⁸⁴.

Начальник 40-й пехотной дивизии генерал Н. Н. Короткевич (белорус) в донесении командиру 4-го корпуса вечером 7 августа сообщал следующее об этом сражении: «Сегодня бой длился более 12 часов, с 8 утра и до 8½ вечера. Войска дрались стойко. Благодаря запасным происходили некоторые заминки... Бой был упорный и довольно тяжелый. Главный удар был направлен сначала на 159-й пехотный Гурийский полк в стык 40-й и 27-й пехотных дивизий, затем перенесен на 158-й пехотный Кутаисский полк и к вечеру закончен охватом левого фланга дивизии. К концу боя в общем резерве оставалось только 1½ батальона... Против гурийцев немцы в середине дня ходили в штыки, но они были почти уничтожены пулеметным огнем»⁸⁵. По предположению начальника дивизии, фронт 40-й дивизии «атаковало не менее дивизии с 8-ю батареями, из которых две – тяжелые гаубицы». В ходе сражения дивизии ее 160-й пехотный Абхазский полк зашел «во фланг и отчасти в тыл противника», что явилось, по оценке генерала Н. Н. Короткевича, «весьма целесообразным и значительно обеспечившим положение дивизии». Из допроса пленного поляка – солдата германской армии командованием было установлено, что «бой начал 1-й германский корпус, затем в него стали вливаться части подходящего на помощь 17-го корпуса. К концу боя подошел 20-й корпус, но уже поздно было. Части 1-го и 17-го корпусов отступали в беспорядке», оставив в д. Вальтеркемен госпитальные шатры и 40 раненых солдат, в одном из оврагов у деревни – около 400 трупов германцев, на поле сражения – семь подбитых зарядных ящиков⁸⁶.

Потерпев поражение в Гумбинен-Гольдапском сражении, германские 1-й и 17-й корпуса были отведены. Командующий 8-й германской армией генерал Притвиц, получив известие о

⁸¹ Там же. Л. 18, 31.

⁸² Там же. Л. 35.

⁸³ См.: Керсновский А. История русской армии: 1881–1916. Смоленск: Русич, 2004. С. 150.

⁸⁴ Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 120.

⁸⁵ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 125–126.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 145.

переходе южной границы Восточной Пруссии 2-й армией русских, что угрожало тылу и пути отхода 8-й армии к Висле, в ночь на 8 августа отдал распоряжение об отходе к Висле.

2-я армия выступила 4 августа 1914 г. с рубежа р. Нарев. Преодолев за трое суток 80-километровое расстояние, 7 августа войска перешли Государственную границу и вступили на территорию Восточной Пруссии севернее Нарева. Центральную группировку армии составляли 6, 13, 15 и 23-й армейские корпуса. Правый фланг армии обеспечивался 2-м, левый – 1-м армейскими корпусами. Войска медленно продвигались, преодолевая песчаную, болотистую и лесистую местность. В течение трех дней они прошли от 20 до 30 км и к вечеру 9 августа вышли на фронт Ортельсбург – Нейденбург⁸⁷. В этот же день 2-й армейский корпус был перенесен в состав 1-й армии с приказанием 10 августа наступать дивизией на Ангербург, выставив заслон против Летцена⁸⁸.

Ставка Верховного главнокомандующего придавала большое значение наступлению 2-й армии, требовала вести его «самым энергичным и безостановочным образом на фронт Зенсбург – Алленштейн, который занять не позже 12 августа»⁸⁹. Однако планы русского командования совершенно не отвечали истинному положению дел. В Ставке считали, что противник разгромлен 1-й армией и спешно отступает к Висле и Кенигсбергу. В действительности же штаб 8-й германской армии, изучив обстановку, убедившись в пассивности 1-й русской армии, принял решение отменить план отступления за Вислу, оставить часть войск для прикрытия от армии П. К. фон Ренненкампа, а остальные, основные силы направить против 2-й армии генерала А. В. Самсонова с целью окружения и разгрома ее центральных корпусов (13-го и 15-го). 13 августа германское командование, завершив перегруппировку войск, приступило к осуществлению своего замысла.

В штабе Северо-Западного фронта о намерениях противника стало известно только вечером 14 августа. Начальник штаба генерал В. А. Орановский от имени главнокомандующего телеграфировал генералу А. В. Самсонову отвести корпуса от Алленштейна на линию Ортельсбург – Млава и заняться устройством армии. Однако приказ до войск не дошел. Одновременно генералу П. К. фон Ренненкампу Ставкой было приказано для оказания содействия 2-й армии двинуть левофланговые 2-й и 4-й армейские корпуса и конницу. Наступление этих войск началось во второй половине 15 августа, а вечером следующего дня, 16 августа, штаб фронта, считая, что 2-я армия, согласно приказу, уже должна была отступить к границе, приказал П. К. фон Ренненкампу приостановить дальнейшее выдвижение 2-го и 4-го корпусов в поддержку 2-й армии⁹⁰. «17 августа вечером получено приказание ввиду неуспеха 2-й армии начать отход», – записано в журнале боевых действий 4-го корпуса⁹¹. В действительности уже с утра 16 августа германские корпуса вели наступление, охватывая центральные 13-й и 15-й корпуса 2-й армии, которые в итоге были окружены (около 30 тыс. человек и 200 орудий). В ночь на 17 августа командующий 2-й армией генерал А. В. Самсонов покончил с собой.

Таким образом, отсутствие надежной связи между штабами армий и фронта, плохо налаженная разведка привели к катастрофе 2-й армии. Выпавшая для 2-го и 4-го армейских корпусов миссия оказать содействие корпусам 2-й армии была бездумно отменена главнокомандующим Северо-Западным фронтом Я. Г. Жилинским.

Одновременно развивались события и на Юго-Западном фронте, в состав 5-й и 4-й армий которого влились части и подразделения, дислоцировавшиеся и сформированные на территории белорусских губерний. По причине уже известных обстоятельств наступление тут началось

⁸⁷ Коленковский А. К. Маневренный период мировой империалистической войны 1914 г. С. 190.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 99, 156.

⁸⁹ Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 121.

⁹⁰ См.: Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 125.

⁹¹ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 413. Л. 3.

без полного сосредоточения и развертывания войск. В директивах Верховного главнокомандующего Юго-Западному фронту приказывалось «перейти в наступление 3-й и 8-й армиями соответственно 6 и 5 августа, не дожидаясь сосредоточения 3-го Кавказского и 24-го армейского корпусов, чтобы в связи с намеченным наступлением 1-й и 2-й армий (Северо-Западного фронта. – М. С.) приковать к себе вторжением в Галицию возможно большие силы австрийцев и тем самым воспрепятствовать им развить наступательные действия по левому берегу р. Вислы и против запаздывающих в своем развертывании 4-й и 5-й армий»⁹², войска которых частично подвозились из Казанского и Московского военных округов.

Только с 8 августа 4-я и 5-я армии приступили к выдвиганию своих авангардов на линию Вильколаз – Избица – Грубешов – Владимир-Волынский, затем подтягивая и главные силы. 10 августа обе армии перешли в общее наступление: 4-я армия – в направлении Перемышля, 5-я – на фронт Монциска – Львов, содействуя выполнению задачи 4-й армии не допустить отхода противника на запад, к Кракову. Кроме того, 4-й армии было приказано вести наблюдение за войсками противника и обеспечивать свой правый фланг и фланг всего фронта⁹³.

С 5–6 августа началось сближение противников, которое с 10 августа развернулось в 33-дневное сражение на 320-километровом фронте между реками Висла и Днестр, получившее название Галицийской битвы.

В этой операции 10 августа войска 4-й армии (командующий генерал А. Е. Залыц) в составе 614 дивизии численностью 109 тыс. человек и 352 орудия сразились с вдвое сильнейшей 1-й австро-венгерской армией (командующий генерал В. Данкль) в составе 12 дивизий численностью 228 тыс. человек с 520 орудиями. В трехдневном сражении у Красника 4-я армия потерпела поражение и отступила в сторону Люблина, потеряв до 20 тыс. человек (в том числе 6 тыс. пленными) и 28 орудий⁹⁴.

Одновременно с 4-й армией перешла в наступление на 95-километровом фронте 5-я армия (командующий генерал П. А. Плеве) в составе 19, 25, 5 и 17-го армейских корпусов (1014 дивизии численностью 147 тыс. бойцов и 456 орудий). В ночь на 13 августа армия вышла на рубеж Машов – Замостье – Комаров – Варенж – Соколь. Ближайшей целью ее действий являлся выход правофланговыми 25-м и 19-м корпусами во фланг 1-й австрийской армии, атакующей 4-ю армию, что привело к встречному столкновению с 8 пехотными и 1½ кавалерийской австрийскими дивизиями в районе Замостья и Комарова⁹⁵.

13–14 августа 25-й корпус вел бой в районе Замостья с превосходящими силами австро-венгров, пытавшимися охватить русский корпус с флангов. Чтобы избежать окружения и разгрома, 25-й корпус отступил на Краснотав, что привело его к отрыву на 25 км от 19-го корпуса, который тем временем при наступлении в юго-западном направлении был остановлен встречным ударом 6-го австро-венгерского корпуса и после двухдневного боя в районе Тарноватки отошел на север, к Комарову.

Следует сказать, что первое столкновение частей 19-го корпуса с противником 13 августа явилось для них неожиданным. Вот что писал в своих «показаниях» вольноопределяющийся 2-го батальона 151-го пехотного Пятигорского полка А. Волшинов: «13 августа мы вышли с последней стоянки в 7 час. утра... Люди шли спокойно. По слухам впереди были замечены небольшие отряды неприятеля, но ничего определенного не знали ни господа офицеры, ни нижние чины. В 9¼ нас остановили среди леса за дер. Юзефовка. Люди сели по обочинам дороги. Впереди нашего 2-го батальона, который шел в голове отряда, расположились... офицеры... штабс-капитан Перетяжкин, подпоручики Соколовский и Есипов, капитан Охременко.

⁹² Цит. по: Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 70.

⁹³ См.: там же. С. 118.

⁹⁴ Керсновский А. История русской армии: 1881–1916. С. 165.

⁹⁵ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 153.

Ели яблоки, шутили. Проехал с поля полковник Артезиани (командир отряда. – М. С.) и сказал, что не видно ничего подозрительного. Но не прошло и 10 минут, как прискакал на коне подполковник Кундин (командир батальона. – М. С.), наблюдавший от стогов лес на противоположном конце поля, и приказал немедленно рассыпать роты в цепь, так как им были замечены густые цепи австрийцев, выдвигавшиеся из леса... Все дружно двинулись вперед, а через 5–6 минут люди наскоро окапывались, принаравливались прицеливаться, перебрасывались шутками, грозили “показать австрийцу”. Около 10 час. утра... на левом фланге наших войск затрещал пулемет. Австрийцы ответили. Люди наши сгруппировались за домом и открыли убийственный огонь по правому флангу противника. Пулемет, поддержанный дружным огнем из цепи, выбивал противника рядами, но за каждым упавшим австрийцем появлялись два»⁹⁶. Предполагая необходимость пополнить запас боеприпасов, комбат «послал двуколку за патронами и приказал сражающимся беречь патроны, так как наши солдаты в азарте стреляли без отдыха и устали». В первый раз патроны были доставлены, во второй – их не дождались. В то время как из «цепи были слышны крики: “Патронов! Лежим без патронов! Стрелять нечем!”». Увидев их беспомощность (нет боеприпасов и подкрепления), австрийцы предприняли попытку зайти во фланг и тыл сражающемуся батальону. Последний в «6½ часа вечера» вынужден был отступить, понеся большие потери в личном составе. Были убиты офицеры подполковник Лазаренко, капитан Охременко, фельдфебель Храмов, тяжело ранен поручик Есипов⁹⁷.

Об этом бое и причине отступления частей 38-й пехотной дивизии написал в «Памятной записке» командир 152-го Владикавказского полка полковник М. Н. Ганский: «13 августа в неравном бою с тройным по составу противником, притом еще окопавшимся, Ермоловцы показали себя истыми воинами русскими. В этом боевом для настоящего состава полка крещении я... видел много примеров храбрости и мужества. Неравен, тяжел и кровопролитен был бой. Мы потеряли 14 офицеров и до 1300 нижних чинов, но дух наш не смутился и скорее бы полк лег костями, чем подался назад, если бы соседняя часть, лишенная патронов, не стала отступать, обнажая наш фланг. Воспользовавшись этим, противник, перешел в наступление, сделал глубокий охват... Пришлось отходить на удобные для защиты позиции...»⁹⁸

В ходе боя, по словам полковника М. Н. Ганского, «неся огромные потери... роты смело сходились с противником и неоднократно бросались в атаку, отбиваемую пулеметами». Имел место случай, когда «противник, не приняв штыкового удара, стал подаваться назад. Появились белые флаги». Однако, когда «храбрецы во главе с поручиком Случановским стали к ним подходить, чтобы забрать в плен, то оказались в ловушке и были немедленно все перебиты перекрестным огнем противника и ложно сдававшихся»⁹⁹.

Таким образом, эти и другие факты говорят о том, что в первые дни сражения в войсках проявлялись случаи неорганизованности и беспечности. В приведенных фактах обращает на себя внимание отсутствие артиллерии. И это не случайно. Из «описания боевых действий 38-й артиллерийской бригады» (перед войной дислоцировалась в Пружанах) следует, что 13 августа в 10 часов вечера командир бригады генерал С. Л. Фуфаевский приказал командиру 1-го артиллерийского парка подпоручику Копцюку выдвинуть артиллерию в один из пунктов начавшегося сражения – д. Буды Джеронские. Однако, прибыв в местечко Комаров, парк вынужден был остановиться, так как «все улицы были забиты обозами». Попытка пробиться утром 14 августа также не увенчалась успехом, так как на пути в заданном направлении уже располагался неприятель. Артиллерийский парк отошел к местечку Комаров¹⁰⁰. В это же время артиллерий-

⁹⁶ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2, Д. 601. Л. 6.

⁹⁷ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2, Д. 601. Л. 7.

⁹⁸ Там же. Л. 76.

⁹⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 1, Д. 601. Л. 59.

ская батарея под командованием подполковника Славинского (по его словам о бое под Тарноваткой), изнуренная непрерывным маршем, по «неосведомленности о противнике... попала не туда... и пришлось переезжать на другое место», затрачивая лишние усилия и время. Отмечая «успешные действия» батареи в бою, командир относил их в заслугу «офицерскому составу (поручики Шульц и Харитонов, подпоручик Ольховский и прапорщик Михайлюк), который, несмотря на частое нахождение под огнем неприятеля, всегда был на своих местах, действовал энергично и умело»¹⁰¹.

15 августа австро-венгры организовывали свои силы для окружения и разгрома 19-го армейского корпуса. Части и подразделения корпуса сражались, отбивая занимаемые позиции и делая попытки перейти в наступление. Еще в середине дня 14 августа командиру 152-го Владикавказского полка полковнику Ганскому было приказано возглавить отряд в составе 152-го Владикавказского, 151-го Пятигорского пехотных полков и трех артиллерийских батарей, перейти в наступление и «овладеть неприятельскими позициями у Домброва» с целью захвата его и «оттеснить врага»¹⁰².

Составив боевой расчет, командир отряда приступил к выполнению приказа. Батальоны пехоты развернулись в боевой порядок, батареи, выехав на обозначенную им позицию, открыли огонь по Домброве. Пехота, постепенно продвигаясь вперед, открыла ружейный огонь, на подступах к местечку пленила 127 австрийцев, от которых наступавшие узнали, что Домброва противником оставлена, «благодаря сильному и меткому огню наших батарей». Около 8 часов вечера отряд вступил в местечко, «не понеся потерь»¹⁰³.

Сложнее складывалась ситуация на другом участке фронта, занимаемом частями 1-й бригады 38-й пехотной дивизии 19-го корпуса у д. Снятычи. По причине плохой организации разведки, так как, по словам комбрига, «при бригаде не было конных частей, дальняя разведка не производилась» и о «местонахождении противника, его численности не было известно». Поэтому, когда в штабе в 8 часов утра 16 августа было получено приказание начальника штаба 38-й пехотной дивизии бригаде «задержать колонну противника, наступающего от селения Брудок», то для этого был выдвинут один 149-й пехотный Черноморский полк. Однако одного полка оказалось недостаточно, так как «стало очевидно – перед полком развертывались превосходящие силы», открывшие ружейный и пулеметный огонь. Командиром бригады был вызван на поддержку из д. Снятычи 150-й пехотный полк с опозданием. Батальоны 149-го полка приостановили свое наступление и под «ураганным» огнем противника отступили.

Во второй половине дня стали организовываться силы. В 17 часов 45 минут на позиции прибыл 151-й пехотный Пятигорский полк, к правому флангу которого примкнули собранные командиром полка полковником Ольшевским батальоны 149-го пехотного Черноморского полка. Противник был отброшен артиллерийским огнем 38-й артиллерийской бригады. С наступлением темноты бой прекратился.

17 августа с 6 часов утра бой возобновился по всему фронту занимаемой позиции. Все попытки противника перейти в наступление «густыми цепями» отбивались огнем артиллерии и пехоты. В 7 часов 30 минут подошли на подкрепление батальоны 150-го и 152-го пехотных полков. Однако к этому времени «во всех батареях истощился запас снарядов». В то же время у противника появились автомобили с установленными на них артиллерийскими орудиями и пулеметами, которые, «постоянно меняя позиции, поражали фланговым огнем»¹⁰⁴. Полки 38-й пехотной дивизии вынуждены были отойти на заранее подготовленные позиции у деревень Снятычи, Антоновка.

¹⁰¹ Там же. Л. 23.

¹⁰² Там же. Л. 64, 75.

¹⁰³ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 601. Л. 64.

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 601. Л. 11.

Во второй половине дня в расположение отряда прибыл начальник 38-й пехотной дивизии. Отряду было приказано перейти в наступление. Войска заняли прежние позиции. В 18 часов к д. Снятычи прибыл 39-й пехотный Томский полк, которому было приказано «немедленно атаковать», как только в тыл противника будет направлен 324-й пехотный Клязьминский полк. Однако это наступление не состоялось. В середине следующего дня (18 августа) австро-венгры перешли в наступление по всему фронту. Сражение происходило с переменным успехом. В 17 часов начдив приказал отряду отойти к д. Зубовице¹⁰⁵.

В боях 16–18 августа части бригады понесли значительные потери. В 149-м пехотном полку были убиты капитаны Панасевич и Джавахия, подпоручики Иванов и Павлов, 82 нижних чина; ранены подполковник Лепарский, капитаны Табачник и Никитин, штабс-капитан Анджапаридзе, подпоручики Лещинский, Бузин, Шахов, Фрейман, Жудро и Можайровский и 484 нижних чина; без вести пропали подпоручик Гололобов и 453 нижних чина. В 150-м пехотном полку погибли подпоручик Носов и 9 нижних чинов, получили ранения 80 нижних чинов¹⁰⁶.

В своих донесениях командование отмечало наиболее отличившихся в боях: командира 3-го парка 38-й парковой артбригады поручика Касоцкого, прапорщиков Авсиевича, Гижицкого, Заграйского и Яроцкого, «питавших патронами и снарядами артиллерию и пехотные полки 38-й пехотной дивизии», доставляя их из д. Грубешов; командира разведгруппы поручика Кузьминского, доставившего «ценные сведения» о численности и вооружении противника, занимавшего д. Дуб. По взятии деревни Кузьминский организовал «вынос» из горящего дома свыше 500 человек раненых «наших и австрийцев». Во втором случае этот же поручик, будучи во главе разведгруппы, «наткнулся на запрягаемое австрийцами орудие», в перестрелке обратил неприятеля в бегство, захватил орудие и трех лошадей и доставил их в штаб дивизии. Командование отмечало и рядового Ивана Каминского, спасшего своего командира, «под сильным огнем противника» и в непосредственной близости от него («50 шагах») подавшего лошадь вместо убитой; рядового Тита Нестеровича, захватившего у д. Домброва австрийского самокатчика с планами и картами; рядовых Фому Рудковского и Александра Кручека, задержавших в разъезде под г. Замостье австрийского шпиона, тем самым «давших возможность... выяснить силы неприятельского гарнизона... и взятие его нашими войсками», и многих других¹⁰⁷.

В ожесточенных атаках 14 и 15 августа прошли в 5, 17 и 25-м корпусах 5-й армии. При этом 5-й и 17-й корпуса отражали атаки австро-венгров, хотя 17-й корпус постигла неудача – внезапный удар во фланг со стороны группы Иосифа Фердинанда, заставивший отступить к северу. 25-й корпус отступал к Краснотаву.

Поражение 17-го корпуса и отход 25-го корпуса поставили в тяжелое положение 5-ю армию. Ее центр обнажился, создалась угроза его окружения. Командующий армией генерал П. А. Плеве неоднократно обращался за содействием к командующим 4-й и 3-й армиями. Однако генерал А. Е. Эверт (был назначен вместо генерала барона А. Е. Зальца) отказывал в помощи, ссылаясь на тяжелое положение своих войск; генерал Н. В. Рузский направлял все свои помыслы и усилия на взятие Львова.

Русское командование возлагало большие надежды на наступательные действия 5-й армии, направлявшей свой удар во фланг 1-й австро-венгерской армии. Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал М. В. Алексеев считал, что сложившееся положение в районе Томашова может быть ликвидировано, если 5-я армия силами трех корпусов нанесет поражение австро-венграм. Об этом он сообщал в Ставку Верховного главнокомандующего. Такого же

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 2363. Оп. 2. Д. 601. Л. 61, 62, 70, 75.

оптимистического взгляда придерживался сам командующий 5-й армией генерал П. А. Плеве, отдавая 16 августа приказ всем корпусам энергично наступать с тем, чтобы 25-му корпусу отобрать у противника Замостье, а южной группе корпусов (19, 5 и 17-му) нанести удар во фланг в направлении Томашова.

В свою очередь и австро-венгры не оставили своего плана окружения и разгрома трех русских корпусов 5-й армии (19, 5 и 17-го). Этому способствовали отражение ими наступления 25-го армейского корпуса, атака с западной и северо-западной сторон 19-го армейского корпуса и глубокий охват его правого фланга, перехват путей отхода 5-й армии в северном направлении.

Командующий 5-й армией генерал П. А. Плеве, понимая сложившуюся обстановку, вечером 17 августа отдал приказ об отходе 5-й армии в северо-восточном направлении на линию Красноводск (или Холм) – Владимир-Волынский, на одну линию с 4-й армией, произвести перегруппировку и затем силами двух армий перейти в наступление.

Вечером 19 августа, остановив контратаками наступление противника, 5-я армия под прикрытием 17-го корпуса стала отходить. Этим закончилась Люблин-Холмская операция. Срыв плана противника окружить 5-ю армию был предопределен натиском гренадерского, гвардейского, 3-го Кавказского и 25-го армейского корпусов, полукольцом окруживших армии Данкля¹⁰⁸.

Люблин-Холмское сражение – одна из ряда одновременных и последовательных операций армейских группировок Галицийской битвы, одной из крупнейших стратегических операций Первой мировой войны. В сражении приняли участие войска 5-й армии, и в частности 19-й армейский корпус, которые в боях под Тарноваткой имели большой успех. В составе 5-го армейского корпуса отличились следующие воинские формирования: 67-й Тарутинский полк взял знамя 11-го венгерского полка и шесть орудий, 68-й Бородинский – два орудия, 27-й пехотный Витебский разгромил 10-ю австро-венгерскую кавалерийскую дивизию и захватил коновязи, 28-й Полоцкий, 39-й Томский и 40-й Колыванский пехотные полки разгромили 15-ю венгерскую пехотную дивизию и взяли 4000 пленных, два знамени и 22 орудия¹⁰⁹.

Сложившаяся обстановка на фронтах требовала от Верховного командования принятия новых стратегических решений. Особое его беспокойство вызывала возможность наступления 8-й германской армии из Восточной Пруссии на Седлец. Чтобы не допустить этого, было принято решение нанести противнику контрудар из района Люблин – Холм. В соответствии с указанием Ставки штаб Юго-Западного фронта приступил к разработке плана операции. На правом фланге 4-й армии из ее 18-го и 14-го корпусов с приданными последнему частями была создана 9-я армия (командующий генерал П. А. Лечицкий)¹¹⁰.

Все армии Юго-Западного фронта 22 августа должны были перейти в общее наступление: 5-я армия – на фронт Туробин – Щебрешин – Красноброд, оказывая своим правым крылом помощь развитию удара левого крыла 4-й армии¹¹¹. Однако до начала общего наступления произошли разрозненные, частные атаки: на флангах 4-й армии 20 августа, на стыке 4-й и 5-й армий 22 августа 25-м корпусом из Красноводска в тыл отходившим на юг частям 10-го австро-венгерского корпуса, 23 и 24 августа 9-я армия своим левым флангом совместно с правым флангом 4-й армии вели фронтальные атаки укрепленных позиций 1-го и 4-го австрийских корпусов на 45-километровом фронте, 25 августа 4-я армия своим левым флангом продолжала атаки на 12-километровом участке, занятом 5-м австрийским корпусом. Эти разновременные фронтальные атаки не принесли больших результатов. Русские на отдельных участках смогли

¹⁰⁸ См.: Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 139.

¹⁰⁹ Керсновский А. История русской армии: 1881–1916 г. С. 166.

¹¹⁰ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 196.

¹¹¹ Там же.

продвинуться лишь от 1 до 3 км, но не сломили укрепленного фронта противника частными сражениями 9-й и 4-й армий, требовалась мощная поддержка 5-й армии, занявшей к этому времени исходное положение для атаки фронта Туробин – Щебрешин – Красноброд, и преследования на Томашовском направлении австро-венгерских войск эрцгерцога Иосифа Фердинанда (командир XIV армейского корпуса 3-й армии).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.